

Зараженное семейство (Комедия в пяти действиях)

Незаконченное, наброски

Действующие лица

Иван Михайлович Прибышев, помещик, 50 лет.

Марья Васильевна, жена его, 48 лет.

Любовь Ивановна, дочь их, барышня, 18 лет.

Катерина Матвеевна Дудкина, племянница их, девица 26-ти лет.

Петр Иванович, их сын, гимназист, 15-ти лет.

Марья Исаевна, бывшая няня, теперь экономка, друг дома, из дворовых, 45 лет.

Алексей Павлович Твердынский, молодой человек, живущий на кондичии у Прибышевых, из духовного звания, 22-х лет.

Анатолий Дмитриевич Венеровский, акцизный чиновник, 35 лет.

Приказчик.

Староста.

Лакей.

Мужики.

Действие происходит в именье Прибышевых.

Действие первое

Утро. Гостиная деревенского помещичьего дома. Перед диваном круглый стол. На столе утренний чай и кофе.

Явление первое

Няня вяжет чулок, разливает чай стоя; Марья Васильевна сидит у стола, пьет чай.

Няня. Давайте чашку-то, налью. А то что, право, пить не пьете, только балуетесь. (*Берег чашку.*)

Марья Васильевна (*обиженно*). Постой, няня, я не допила еще. И что кричишь, точно с ребенком, право. Вот теперь налей. (*Подает чашку.*)

Няня. Стоишь, стоишь, стоишь, стоишь. Одиннадцатый час небось, а еще половину господ не перепоила. Вы откушаете – тут старый барин, тут студент с Петрушей придут.

Марья Васильевна. Какой студент? Студент говорится.

Няня. Не люблю я его, неаккуратный человек, за то он у меня студент. Пустой человек.

Марья Васильевна. А мне он жалок, няня.

Няня. Есть чего жалеть. Сказал ли он доброе слово кому, вот второй месяц в доме – только зубы скалит (*передразнивая*). Всех, кажется, пересмеял <с племянницей с вашей; да девкам от него прохода нет.>¹ Нечесаный, а туда же липнет. Я уж Дуняшу научила: как он к тебе станет приставать, ты его по лицу, чтоб с синяком к обеду пришел. Пускай спросят – отчего? Да опять – что ж это? Одевать мы его взялись – что ли? Все постельное белье наше.

Марья Васильевна. Ах, няня – какая ты! Ты подумай – ведь он один, молодой человек, бедный. Я удивляюсь, право, отчего он худой такой?

Няня. Отъестся небось! Придут теперь с Петрушей, напьются; тут Катерина Матвеевна, золото-то наше, с книжкой придет... Отпойшь – ну, слава богу. Только снимешь, опять: кофею! завтракать! тонконогой приедет!

Марья Васильевна. Какие ты все прозванья даешь, няня! Это кто ж тонконогой?

Няня. А Анатолий Дмитрия, жених-то Любочкин...

Марья Васильевна. Как ты глупо говоришь. Отчего ж – жених? Так ездит молодой человек в дом.

Няня. Так вы и думаете, что глупее Марьи, няни, нет никого на свете. Кажется, тридцать лет вверху жимши, пора понимать. Что ж он вашего кофею не видал – что из города-то за семнадцать верст каждый божий день ездит. Нет-с, матушка, Любочкино-то приданое все сосчитал небось, так и ездит.

Марья Васильевна. Вот как ты судишь. Первое дело он не жених, а второе – уж вот кто на деньги не польстится. Анатолий Дмитриевич совсем не такой человек.

Няня. Без денег, матушка, в нынешнем веке никто не возьмет, какая красавица ни будь. Только в женихе корысти немного. Так какой-то немудрененький, по винной части служит, не бог знает что. Да и у людей спрашивала, не хвалят. Первое дело – скуп, другое – бахвал.

Марья Васильевна. Это еще какое слово? Как ты сказала?

Няня. Бахвал, матушка. Это по-нашему значит: я, мол, всех прекрасней, всех умней, и, окромя

¹ Ломаными скобками обозначен текст, зачеркнутый Толстым. — *Ред.*

меня, все дураки.

Марья Васильевна. Вот и неправда. Он ученый, писатель. Да что ты понимаешь!

Няня. Только Любочку мне жалко, совсем-то ей голову вскружили.

Марья Васильевна. Может быть, он вовсе не за Любочкой, а за Катенькой ухаживает. Вот как ты!

Няня. Как же, дуру нашли, так я и поверила. С Катериной-то Матвевной побаловаться – это так. Еще она как в Петербурге в гувернерках жила, так к нему бегала, а жениться-то небось он знает, за кем деньги дадут, а за кем ничего.

Марья Васильевна. Катенька знакома была с ним в Петербурге. Ты во всем дурное видишь.

Няня. Да уж так, матушка, как в гувернерки пойдут, так и догувернерются. Это верно. Так-то и Катерина Матвевна.

Марья Васильевна (*смеется и махает руками*). Полно, глупости.

Няня. И то мы примечаем, что во всем доме другие порядки пошли. (И барин другой стал, помирнел совсем, и учителя студента взяли вместо немца, и Катерине-то Матвевне волю дали, и детей всех распустили. Все другое стало, все по-новому пошло!)

Марья Васильевна. Что ж, и я другая стала? Вот глупа.

Няня. Вы что, вы так, по доброте своей. А вот на барина, так часто дивлюсь... (*Молчит, качает головой и разводит руками.*) Что сделалось? Совсем другой человек. Как вспомнишь прежнее-то: был ли день, чтоб Сашка-камердин без битья одел; был ли староста, чтобы в стан не свозили...

Марья Васильевна. Ну, уж ты расскажешь... Разве очень хорошо было? Совсем не очень хорошо.

Няня. Да и не хвалю и не корю. Господа были, уж без этого нельзя. А то удивительно – как можно в пятьдесят лет свой характер переменить... Как эта самая царская бумага... ну там, что на первой неделе-то вышла...

Марья Васильевна. Ну да, манифест, – как ты смешна!

Няня (*озлобленно*). Ну да, та самая, чтоб дворовых за службу под мост со двора согнать, как вам не знать! Ну, да бог с ними! что бишь я говорила. С той поры и перемена пошла. Пуще всего как при Анатолии Дмитриевиче, – послушала я наемни – даже мерзко. Уж вы извините меня, матушка, я правду всегда скажу. В пятьдесят лет характер нельзя переменить. А только важности своей потеряли. Ведь только показать себя хочет, а характер все тот же. Наемни, кого ж – Кирюшку Деева, мужика, стал при Анатолии Дмитрииче улаживать: «вы», говорит, – это Кирюшке-то, – «хотите работать, так приходите». Послушала я: что такое? Точно принцу какому-нибудь. Плюнула даже.

Явление второе

Те же и Катерина Матвевна.

Няня. Вишь, красавица, как убралась!

Катерина Матвевна (*стрижена, в очках, в коротком платье, с книжкой журнала под мышкой. Не кланяясь садится за стол, облакачивается, вынимает папироску и начинает читать. С особенной учтивостью к няне*). Позвольте вас попросить чаю, Марья Исаевна.

Няня подает ей чай в стакане.

Няня. Сейчас, сударыня, сейчас-с. (*В сторону.*) Уж вподробно всех удивила. Нет и того, чтоб тетке «бонжур» сказать. Все от ума большого.

Марья Васильевна. А мы с няней говорили об Анатолии Дмитриевиче. Она говорит, он за Любочкой ухаживает, а я говорю – за тобой, Катенька. comment crouez-vous? Как ты думаешь? Она уж его женихом называет.

Катерина Матвевна (*поднимает глаза с книги; строго и жестом дополняя слова*). Венеровский по своему развитию и воззрениям на жизнь стоит до такой степени вразрез с пошлостью нашей жизни, что нам трудно судить о нем.

Марья Васильевна. Ты думаешь, он не женится?

Катерина Матвевна. Позвольте! Этот господин женится только в том случае, ежели найдет женщину, вполне понявшую свое назначение, свободную в жизни и в мысли.

Марья Васильевна. Non, mais dites.² Да ты скажи, в ком он ищет, в тебе или в Любочке? Вот я с няней говорила, она такая дура, я так смеялась...

Катерина Матвевна. Нянюшка Марья Исаевна старше вас и говорит вам «вы», а вы ей говорите «ты» с присовокуплением «дура»... Я считаю это оскорблением достоинства и свободы человека и в силу этого убеждения нахожу нужным выразить вам свою мысль. Я знаю, что вы вправе иметь свои убеждения, но меня это коробит и возмущает.

² Однако, скажите (*франц.*).

Няня (*насмешливо*). Вот спасибо, что заступились; (*Обращаясь к Марье Васильевне.*) А то ведь вы рады из живого жилы вытянуть. Злодейка известная...

Марья Васильевна. Нет, что, Катенька, je plaisante,³ я ее люблю. Нет, ты скажи, как по-твоему – в ком он ищет? А? В тебе или в Любочке? Je voudrais savoir votre opinion.⁴

Катерина Матвеевна. Как вам сказать мое мнение? (*Откидывает волосы и закуривает папироску.*) Во мне он, – как вы, так сказать, фигурно выражаетесь, – не может *и-и-искать*. Я поставила себя на ту ногу свободной женщины, что я к нему, как и ко всякому существу без различия пола и звания, отношусь просто. Я нахожу его умным и современным человеком, и он, естественно, вставляет в свои отношения ко мне ту долю уважения и сочувствия, которые, так сказать... словом сказать, мы с ним в простых и хороших отношениях взаимного уважения, и он находит отдых со мной после всего ничтожества женской губернской аристократической черни, среди которой он должен вращаться. Но почему вы думаете, как вы фигурно выражаетесь, что он ищет в Любовь Ивановне – я не могу себе отдать отчета. Любовь – женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой такая личность, как Венеровский, не может иметь ничего общего. Я с ним равня, а Люба – дитя.

Марья Васильевна. Вот видишь, няня! как Катенька судит.

Няня. А что ж, матушка, Катерина Матвеевна, мы глупы, вы растолкуйте: что ж он так все и будет ездить?

Катерина Матвеевна. Отчего ж ему перестать ездить?

Няня. А оттого, что за это ихнего брата школят. По-старому так было. Коли в дом ездешь, где две барышни-невесты, так открой, какую сватаешь, – а нет, так на это клупы есть, чтоб ездить. Сколько хочешь и езд.

Катерина Матвеевна. Вы меня не можете понять, Марья Исаевна. Я вам сказала, что он ездит ко мне: мы испытаем друг друга и ежели найдем...

Няня. А по моему глупому суждению, Катерина Матвеевна, матушка, он испытывать ничего не станет. Любовь Ивановна – барышня молоденькая, хорошенькая, да за ней пятьсот душ. А вы все и постарше, и на тридцать душ он не польстится... Студент – вот это так.

Катерина Матвеевна (*горячо*). Позвольте, позвольте. Студент молод и недоразвит для меня. Позвольте: другая женщина на моем месте могла бы оскорбиться, но я выше этого. Любовь Ивановна ему не по плечу с своими детскими требованиями от жизни; это он сознает и сам мне высказывал неоднократно. Это одно. А другое то, что вы смотрите на дело с ложной точки зрения. Вы меня не поймете, но я все-таки выскажусь и постараюсь говорить проще. Для людей нашего закала средства к жизни допускаются только те, которые приобретены личным и честным трудом; и поверьте, люди нашего времени смотрят на все эти именья, как только на ложную связь с устарелыми формами жизни. Для Венеровского все равно, будет ли у меня миллион или ничего, ежели только взгляды наши на жизнь тождественны. Ежели они тождественны, то мы можем смело вступить в борьбу.

Няня. Да вот не станет за вас, а за Любовь Ивановну посватается. Вот как пятьсот душ, так ему тождественно очень, а тридцать душ, так не тождественно совсем.

Катерина Матвеевна (*озлобленно*). Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вы говорите, что у меня тридцать душ. Позвольте вам сказать, что благодаря просвещению ни у кого уже теперь душ нет, а у меня никогда не было. Я отреклась от своих прав, в тот же час, как стала совершеннолетней, и на мне не лежит позорное клеймо крепостного права.

Няня. А все вас не возьмет и Любочку сватать будет, потому...

Марья Васильевна (*испуганно*). Полно, няня, какая ты. Ведь ты хоть кого из себя выведешь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вам кажется все это трудным и запутанным, у вас в понятиях сужены и власть божия, и тому подобное, а жизнь людей, ставших выше общественной паутины предрассудков, – очень проста. Я выскажу ему свои воззрения и потребую той искренности, которая лежит в основании всех побуждений честной личности.

Няня. Эх, Катерина Матвеевна, матушка! У Любовь Ивановны пятьсот душ, да еще влюбится.

Катерина Матвеевна (*совсем растерянная*). Отчего же он в неразвитую, ничтожную девочку влюбится, а в меня не влюбится?

Няня. Отчего-с? А вот отчего, матушка, – от козла.

Катерина Матвеевна (*опоминаясь и откидывая волоса*). Нет, да что я! Любовь, как вы понимаете ее, есть плотское влечение, и вы слишком неразвиты и животны, чтобы понимать меня. Пожалуйста, я вас прошу, оставьте меня. (*Облокачивается и читает.*)

Марья Васильевна. Поди, поди, няня, уж я сама залью чай, коли кто придет.

Няня (*уходя*). Всех осрамила. Все животные. Тридцать лет служу, никто животным не называл...

3 Я шучу (*франц.*).

4 Я хотела бы знать ваше мнение (*франц.*).

Катерина Матвеевна (*поднимает голову от книги*). Позвольте, любовь есть честное побуждение только тогда, когда обе стороны равноправны, но вы не понимаете этого. (*Молчание. Поднимая голову.*)
Марья Васильевна, я не уважаю эту женщину. (*Опять читает.*)

Явление третье

Входит Иван Михайлович.

Иван Михайлович. Что это, кого ты не уважаешь?

Марья Васильевна. Няня все глупости говорит.

Иван Михайлович. О! Это яд такой! А баба хорошая. (*Садится к столу.*) Ну, Марья Васильевна, давай чаю. С пяти часов в поле, двух лошадей заездил. Ну, да зато наладил. Вот-те и толкуй, что нельзя с вольными работниками. Все можно, как сам везде, да себя не жалеешь. Вчера еще половина поля не пахана, покосы не кошены и нет ни одного работника. Как взялся – своих уговорил, вольных нанял, работникам ведро обещал. Посмотри нынче – кипит... Василий приказчиком так хорош, такой-этакой распорядительный, славный, славный.

Катерина Матвеевна. Вольный труд не может быть убыточен, это противно всем основным законам политической экономии.

Иван Михайлович. Все это так, да не так. Вот я бы вас с Анатолием-то Дмитриевичем запряг бы в эту работу. Вы бы не то заговорили.

Марья Васильевна. Dites-moi, mon cher Jean,⁵ как же ты говоришь все, что от вольной лучше стало? Как же лучше, когда они все ушли?

Иван Михайлович. Э! Да это дворовые.

Марья Васильевна. Дворовые, я знаю, это само собой, да и мужики теперь после грамоты уже не работают. Что же тут хорошего, я не пойму.

Иван Михайлович. Сто не сто, а раз пятьдесят я тебе уже толковал, что по Уставной грамоте они положенные дни работают, а не все. В этом-то и сила.

Марья Васильевна. Как же говорили, что совсем перестали работать? Намедни все говорили, что их послали, а они не пошли. Я этого не пойму, Jean.

Иван Михайлович. Если бы вовсе не работали, так нам бы есть давно нечего было. Меньше работают. Ну, да зато все в формах законности, а не произвола. Ну, да не поймешь.

Марья Васильевна. Так что же хорошего, что меньше работают? Это не хорошо, значит, сделано. Да ты не сердись, ne vous fâchez pas, уж я не пойму.

Иван Михайлович. Что же мне сердиться, ведь это, видно, такая судьба, что ты ничего не понимаешь. (*Берет чай и задумывается.*) А Люба где?

Марья Васильевна. Она рано за грибами ушла с девочками.

Иван Михайлович. А Анатолий Дмитриевич еще не приезжал и не присылал?

Марья Васильевна. Нет еще. Что, Jean, я тебе хотела сказать. Я слышала, что Анатолий Дмитриевич veut faire la proposition à Люба,⁶ хочет Любочке свататься... Как это называется.

Иван Михайлович. От кого ты слышала?

Марья Васильевна. On dit. Да говорят.

Иван Михайлович. Кто говорит? В четырех стенах сидишь, кто может говорить. Ну что ж, что говорят.

Марья Васильевна. Я знаю, ты меня ни во что считаешь. Только я слышала, что он нехороший человек. Какая же это служба по винной части! Да и главное – бахвал; я тебя прошу, Jean, ты об этом подумай.

Иван Михайлович. Ведь что в эту голову не втемяшится! И откуда слов таких набралась. Нет, ты уже, матушка, эти глупости оставь. Что за бахвал, и откуда ты это дурацкое слово взяла.

Марья Васильевна. Да так все говорят.

Иван Михайлович. Чего не взбрдет в эту башку! Это кто тебе наврал? Эх, матушка, не нам с тобой судить про этого человека. Я не знаю отца, который бы за честь себе не почел родство с таким человеком. Да и терпеть не могу загадывать и сватать. Какой бы он ни был. Власть божия, а нам толковать нечего. Человек замечательный, писатель. И, уж верно, не на деньгах женится. Это верно.

Марья Васильевна. Никто не говорил. J'ai mon opinion, у меня свое мнение.

Иван Михайлович. Ну, слушай же: первое дело, Анатолий Дмитриевич человек современный, передовой, огромного ума, образования, писатель, человек, которого вся Россия знает, может быть. Это, матушка, в нынешнее время лучше генеральских чинов. Потом, служба у него прекрасная, честная. По новому акцизному управлению, две тысячи жалованья. А захоти он только – такому человеку все

⁵ Скажи мне, дорогой Жан (*франц.*).

⁶ хочет сделать предложение Любе (*франц.*).

открыто. Другое дело то, что в нем и странности, и все – не светский он человек, но уж знаешь, по крайней мере, что бескорыстнейший человек. Этот человек женится, так не на деньгах. С ним всякая девушка будет счастлива, хоть бы у ней ничего не было.

Марья Васильевна. А говорят, что он скуп.

Иван Михайлович. Ну, понесла! Я тебе говорю, бескорыстнейший человек. Уж это доказано.

Марья Васильевна. А говорят, он все и приданое сосчитал.

Иван Михайлович. Катенька, хоть ты бы объяснила ей, что Анатолий Дмитрич не такой человек.

Катерина Матвеевна. Марья Васильевна с Марьей Исаевной имеют свои убеждения. Для меня странно только то, на каком основании можно обвинять в гнуснейших замыслах человека, не давшего на то никакого права. Этот господин всей жизнью своей доказывает, что цель его есть только общее дело. Ежели бы этот господин вздумал соединиться с женщиной, то он первым условием поставил бы независимость, как личную, так и имущественную.

Иван Михайлович (*задумывается. Молчание*). Да, хоть и трудно нашему брату, старику, переменить старинные привычки, и много увлечения, легкомыслия в молодежи, а нельзя не отдать справедливости новому поколению. Да.

Катерина Матвеевна (*отрываясь от книги*). Из всего, что вы сказали, в этом одном я разделяю ваше убеждение. Прогресс неудержимо вносит свет в самые закоснелые условия жизни.

Иван Михайлович (*помолчав немного*). Да, вольный труд идет, идет. Трудно с работниками. Ну, да ничего, наладится... Вот, дай выкуп сделаю, разделаюсь совсем с мужиками, останутся одни землевладельческие отношения. И право, хорошо, да.

Марья Васильевна. Что же это выкуп лучше будет, Jean? Это бы уж лучше.

Иван Михайлович. Лучше не лучше, а надо. Вон Катенька с Анатолием Дмитричем считают меня и консерватором и ретроградом, а я сочувствую всему. Прорвется старое – нельзя, а сочувствую. Вон молодое поколение-то наше растет. И Любочка замуж выйдет за этого ли, за другого, а не за нашего брата, а за нового современного человека, и Петруша уже растет не в тех понятиях. Что же, мне не врагом же быть своих детей! Где он, Петя-то? С учителем, верно?

Марья Васильевна. На озеро пошли, какие-то травы ловить хотели. Я не поняла. Я уж боюсь, как бы не утонули. *Vraiment, je crains.*⁷

Иван Михайлович. Какие травы ловить?

Катерина Матвеевна. Алексей Павлыч говорил, что они хотели делать исследования над организациями волокон водорослей.

Иван Михайлович. Ну вот, век-то! Разве я мальчишкой имел понятие об этом, а нынче вон, мальчишка, а уж естественные науки... и все. Нет, этот студент удался славный. Спасибо Анатолию Дмитричу, рекомендовал. Славный студент, этакой спок... мил... славный, славный. Эй, Сашка! Трубку! (*К Катерине Матвеевне.*) По привычке мы! Ну, Александр Василыч.

Входит Сашка с трубкой.

Марья Васильевна (*вдруг сердится*). Да, тебе все хорошие, только жена не хороша! А что ж белья у него ничего нет? Няня все постельное белье приезжее отдала, а придет кто, и нечего постелить. Что ж это в одном сюртучке – ничего нет. Я своих простынь не отдам. Вот ты как судишь!

Иван Михайлович. Ну, понесла. Полно, пожалуйста, скажи няне, она устроит, я человеку рад, что дельный малый.

Марья Васильевна. Что ж дельный, я-то в чем виновата? приехал без ничего и всего требует. Выдумал теперь молоко пить – и Дуняша жаловалась. Ты должен смотреть. Что ж он за учитель, коли у него белья нет.

Иван Михайлович. Ну, зарядила... Должна бога благодарить, что он послал нам такого человека, а ежели нет у него белья и он беден, так ему надо дать.

Марья Васильевна. Вот ты меня никогда не понимаешь, а все напротив. Я говорю, что ты все непорядок делаешь, а мне его жалко больше тебя: как он первый раз за столом есть стал, так мне его жалко стало! Я ему и рубашек ночных послала, и карпеток связать велела. Я хоть и глупа, но понимаю, что если он нашего сына учитель, так он в доме первый человек. Я ему ничего не жалею. Я говорю только, ты устрой все порядком. Вот сколько раз я просила столяра у стола ножку починить...

Иван Михайлович. Ну, полно, матушка, перестань ты, ради самого Христа!

Явление четвертое

Те же и студент.

Студент (*входя, коротко кланяется*). Позвольте-ка чаю. (*Садится подле Катерины Матвеевны.*)

Марья Васильевна. Чего вам, Алексей Павлович? чаю или кофию, с белым хлебом и с маслом,

⁷ В самом деле, я боюсь (*франц.*).

чего хотите. (*Придвигает все к нему.*)

Студент. Все равно. Ну, хоть чаю давайте.

Иван Михайлович. А Петруша где?

Студент. Шествует. Он брюки меняет, измок.

Иван Михайлович. Что ж это вы делали?

Студент. Хотели заняться ботаникой, да [не]⁸ вытанцевалось. А рыболовство учиняли.

Иван Михайлович. А Катенька говорила, что вы хотели что-то исследовать из естественных наук...

Студент. Хотели, да не вытанцевалось, микроскопа не имелось.

Марья Васильевна. С белым хлебом хотите, кушайте.

Студент (*к Катерине Матвеевне*). Вы какое такое душеусладительное чтение производите. (*Берет у нее книгу.*) А, физиологию – статья добрая, только слишком конспектная. Вот Льюса поизучайте. Да еще превращение ячейки – забыл чье, не вредная статейка.

Марья Васильевна. Что это ячейки, так и называется? Вы лейте больше сливок, еще принесут. Катенька, ты тоже знаешь ячейки?

Катерина Матвеевна. Все органическое существует только в силу развития ячеек.

Студент (*к Катерине Матвеевне*). Что вы вотще учиняете толкования, ведь для этого надо хоть элементарные познания иметь.

Иван Михайлович. Я читал про ячейки. Только скажите, Алексей Павлыч, вот в хлебе можно видеть их?

Студент. Коли бы не видели, и не говорили бы и не изучали бы. В микроскоп видно.

Иван Михайлович. А дорого стоит микроскоп?

Студент. Дрянный дешево приобрести можно. У Анатолия Дмитриевича есть, стоит триста шестьдесят франков, а в университете пятнадцать тысяч.

Иван Михайлович. Да, купить надо. (*Садится с женой с одной стороны, а студент с Катериной Матвеевной с другой стороны. Иван Михайлович молча курит.*)

Катерина Матвеевна. Немного вы опоздали, здесь была опять возмутительная сцена, истинно плантаторская.

Студент. Что ж, надо им потешаться над себе подобными. Больше ведь ничего не умеют... А мне, доложу вам, наскучило здесь, хочу уехать, на кандидата держать.

Катерина Матвеевна. А мое воззрение другое, – я нахожу, что чем грубее та среда, в которой приводится работать, тем больше нужно энергии. Потому что в силу чего могут измениться эти уродливые отношения, как не в силу тех идей и заложений, которые мы внесем в них. Я сознаю свое влияние над этими людьми и посилено употребляю его. И вы призваны облагородить еще свежую личность Петра. Он с своей стороны тоже вносит идеи в эту мертвящую среду. Вот Анатолий Дмитрич так же судит.

Студент. Ну их к богу! В грязи сам замараешься. Зуботыковы пускай сами по себе услаждаются, и мы сами по себе. На каждом шагу ведь не станешь протестовать, а только чувствуешь, что слабеет негодование. Мужики вон пашут с четырех часов, а тут до двенадцати чай пьют. Ведь как же с этим помириться?

Катерина Матвеевна. Конечно, но все надо делать уступки. Посмотрите на Венеровского, как он, вращаясь в самом отсталом кругу по своей службе, в сущности, ничего не уступает и все проводит идеи.

Студент. Что Венеровский! Я не могу уважать человека, который служит. Акцизные либералишки!

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! В этом мы с вами никогда не дотолкуемся до единства мысли. Венеровский замечательная личность. Посмотрите, вся его деятельность – школы, публичные лекции.

Студент. Что ж, я могу и наложить печать молчанья на уста.

Катерина Матвеевна. А мне смешно вспомнить, как нынче [со] старухами мы говорили о нем. Как эти люди-то понимают людей нашего закала! Можете вообразить, что в их понятии он ездит сюда только для того, чтоб жениться на Любовью Ивановне, или на ее приданом, как они это объясняют.

Студент. А что ж, от сего достопочтенного синьора всякая мерзость произойти может.

Катерина Матвеевна. Твердынский, не говорите так, иначе мы разойдемся... Венеровскому жениться! и на ком же!

Студент. Что ж, я вам выскажусь. Любовь Ивановна девица не вредная. В ней есть задаточки. И попадись она человеку свежему, чистому и с энергией, из ее натурки вышла бы почтенная особа. Только ей нужен молодой, честный руководитель.

⁸ Квадратными скобками обозначен редакторский текст. — *Ред.*

Катерина Матвеевна. Только как недоразвита!

Студент. Ну да что ж, доразвилась бы.

Катерина Матвеевна (*подумавши*). Да, пожалуй, я схожусь в этом воззрении с вами. Вы именно тот господин, который бы мог успешно воздействовать [на] ее личность.

Студент. Не будь она в этой подлой среде, из неё бы можно сделать почтенную девицу.

Явление пятое

Входит Петруша, мальчик лет 15, в гимназическом вицмундире.

Марья Васильевна. Ну, вот и Петенька. Чего хочешь, чаю, кофею?

Петруша. Здравствуй, мать. Не хочу. Я уж молоко пил. Мать, вели дать завтракать. Здравствуй, отец.

Иван Михайлович. Что ты это все ломаешься, будь, пожалуйста, попроще...

Петруша. Напрасно ты думаешь, что я ломаюсь. Здравствуй, отец, я говорю.

Иван Михайлович. Что ты, с ума сошел? Что новое выдумываешь! Как здоровался, так и здоровайся, разве, ты думаешь, в этом образовании? Поди поцелуй руку у матери.

Петруша. С какой целью?

Иван Михайлович (*строго*). Я тебе говорю.

Петруша. На какой конец? Разве что-нибудь произойдет от того, что я буду прикладывать оконечности моих губ к внешней части кисти матери?

Иван Михайлович. Я тебе говорю, целуй руку

Петруша. Это противно моим убеждениям.

Иван Михайлович. Что?!

Петруша. Мы говорили об этом с Алексеем Павловичем, и мне очень стало ясно, что это только глупый предрассудок.

Иван Михайлович. Смотри, брат!

Петруша. Да это ничего, отец, я ведь от этого не изменю свой взгляд на тебя и на мать. Буду или не буду я целовать ваши руки, я буду иметь к вам обоим на столько-то уважения, на сколько вы его заслуживаете.

Иван Михайлович. Послушай наконец. Все это хорошо, и новые убеждения, и все, да надобно честь знать, и первое правило спокон века было уважать старших. Поди поцелуй руку. (*Привстает.*) Ну!

Студент. Тут, кажется, учинится скандал почтенный!

Петруша (*робея*). Разумеется, принудить вы можете. Но свободные отношения человека...

Иван Михайлович. Ну! ну!

Петруша (*целует руку, тихо*). Достоинство человека...

Марья Васильевна. А ты, Петя, слушайся. Что ж тебе яичницу или ливерок сделать? Я велю. Няня, Пете завтракать.

Иван Михайлович. Алексей Павлович, гм... гм... хоть и... вы меня извините, но... позвольте вам сказать, что я просил вас заниматься с моим сыном науками, а никак не учить его обращению с родителями. У нас есть свои и, может быть, странные и не современные привычки. Но я бы вас просил не вмешиваться в это.

Студент. Гм... хе... хе... ну-с.

Иван Михайлович. Ну-с и больше ничего. Что ячеекам – учите, а в обращение сына с нами прошу не вмешиваться и не внушать.

Студент. Мне довольно странно слышать замечания. Что вы хотите сказать?

Иван Михайлович. А то хочу сказать, чтоб сын не говорил мне этот вздор, вот и все.

Студент. Что же, можно его посечь-с.

Иван Михайлович. Послушайте, не выводите меня из себя.

Студент (*робея*). Я очень понимаю... но, поверьте, что я не поставлю себя... однако вы желали, чтоб я развивал вашего сына. Я, я... очень... Не могу же я скрывать от него своих воззрений.

Катерина Матвеевна. Довольно странно Алексею Павловичу умалчивать или игнорировать, так сказать, выводы науки.

Петруша. Я могу иметь сам свои убеждения.

Студент. Тем более, что жизнь имеет свои права, и предрассудки не выдерживают критики разума и науки.

Катерина Матвеевна. Особенно при том громадном шаге, который сделали естественные науки, отсталые воззрения не могут иметь места.

Иван Михайлович. Ну, хорошо, хорошо. Не будем говорить. Я прошу сына делать, как я хочу, вот и все. (*Помолчав немного, к студенту.*) Я вас не оскорбил, Алексей Павлович?

Студент. Я слишком ценю свое достоинство, чтоб считать себя оскорбленным. Нам пора

заниматься. Прибышев-младший, шествуйте.

Петруша. Нет, я есть хочу.

Входит Сашка с блюдом.

Студент. Ну, посидим, и попитаться можно. *(Придвигается к завтраку.)*

Явление шестое

Любочка в подобранном платье, в соломенной шляпке, с корзиной грибов вбегает, и за нею две девочки.

Любочка. Мамаша, душечка, ведь я не одна пришла!

Марья Васильевна. Кто же с тобою?

Иван Михайлович. С кем же?

Любочка. А вот угадайте! С Анатолием Дмитриевичем. Я иду с девочками, а он едет, и пошел со мной. Какие мы два белых гриба нашли – знаете, под дворовыми, в канавке. Чудо! такие прелести! А Анатолий Дмитриевич ничего не видит, только один мухомор нашел. Посмотрите, какие души! Катенька, посмотри. Машка, у тебя, дай сюда. *(Берет корзинку у девочки и достает грибы.)* А березовиков-то, Сашка, посмотри, сколько! А ты говорил – нету в березовой аллее! Папаша, видел?

Иван Михайлович. Да где же Анатолий Дмитриевич?

Любочка. Он отчищается, упал на коленки, запачкался. У него белые. Папаша, какие у нас с ним разговоры были, ужас! Ну да после я тебе одному скажу.

Иван Михайлович. Что ж такое? Что?

Любочка. Очень важное, да теперь никак нельзя сказать, – до меня касается...

Иван Михайлович. Однако ты не совсем хорошо делаешь, что этак ходишь по лесам одна с молодым человеком... Положим... но все-таки.

Любочка. Вот отсталое воззрение! Катенька, правда?

Иван Михайлович. Ну и ты туда ж! Ну-ка, поди сюда, расскажи. Какие такие важные разговоры были?

Любочка. Теперь никак нельзя. Погоди, узнаешь. Нет, ты посмотри, мамаша, что за души. *(Подпирается и петушится, представляя гриб.)* Точно наш учитель, помнишь, Карл Карлыч? – маленький, толстенький. Ах, как мне нынче весело! Сашка, завтра пойдем с тобой ра-а-ано.

Марья Васильевна. Что ж, хочешь чаю, кофею с белым хлебом?

Любочка. Ну, ты удивишься, папа, об чем мы говорили. И ты тоже, Катя, и ты... и вы удивитесь, Алексей Павлович. Петруша, дай мне, что ты ешь? *(Выдергивает у него вилку и кладет кусок в рот.)*

Петруша усердно ест.

Катерина Матвеевна *(к студенту).* И это ровня Анатолию Дмитриевичу? Что за неразвитость.

Студент. А все по наружности и физиогномии девица почтенная и незловредная.

Любочка. Мамаша, можно им дать по куску? *(Указывает на девочек и дает им по куску белого хлеба и сахара.)* А завтра приходите опять ра...а...ано.

Марья Васильевна *(подает ей чаю).* На, кушай, со сливками.

Любочка. Мне и есть не хочется, я у Машки ваяла корочку-загибочку, такая вкусная, чудо! *(Садится за стол и тотчас же встает.)* Я забыла тебя поцеловать, папа. *(Целует.)* Гриб ты мой белый! Об чем вы спорили, как я вошла?

Иван Михайлович. А вот брат твой выдумал, что целовать отца не надо, надо сказать: здравствуй, отец! здравствуй, мать!

Петруша *(пережевывая).* Я не выдумал, а пришел к этому убеждению.

Любочка. Ха, ха, ха! Вот глупости! Они все по-новому выдумывают.

Иван Михайлович. А ты по-новому с молодыми людьми гулять одной?

Любочка. Цыц! На меня не нападать! Я нарочно пойду с молодым человеком. Алексей Павлович, пойдем-те-ка за грибами завтра.

Студент. Что же, это учинить можно.

Любочка. Да нет, мне нельзя будет.

Марья Васильевна *(к студенту).* Вы яичницы не хотите ли?

Студент. Нет, не хочу, сыт-с. Ну-с, Прибышев-младший, упитались? Шествуйте.

Студент и Петруша уходят.

Явление седьмое

Те же и приказчик.

Иван Михайлович. Гм... Еще что?

Приказчик. На Каменном не косят.

Иван Михайлович. Как так? А вольные?

Приказчик. Наши мужики согнали; у них там драка вышла. Маторина всего в кровь избили. Он пришел, в конторе дожидается.

Любочка. Я и забыла сказать. Страшный какой, папаша, точно разбойник. Мамаша, я так испугалась.

Иван Михайлович. За что драка?

Приказчик. Вышли косцы, только стали – прибежал Демкин с сволоками, – они тут пахали, – как вы, говорит, смеете в нашего барина угодьях косить! Он нас нанял, говорят. То-то, говорит, вы больно ловки, нам цены сбивать. Вишь, выискались по одному рублю за десятину косить! Он бы нам два дал, как нужда бы пришла, а то бы так лошаадьми стравили. И начал лущить. Тут с поля мужики прибежали. Избили в кровь.

Любочка. Вся голова вот так по сих пор в крови. Такой ужасный!

Иван Михайлович. Что ж вы смотрели? Ведь это ваше дело. Что ж староста?

Приказчик. К старшине уехал.

Иван Михайлович. Хорошо, очень хорошо!

Приказчик. Да что, Иван Михалыч, с этим народцем служить никак невозможно-с. Нынче опять ночью две веревки украли. Шиненые колеса было утащили, спасибо, углядел. Сколько раз приказывал запирать – не слушают. А ведь за все я ответить должен. Я, кажется, старался, своей, кажись, крови не жалел. Уж сделайте такую милость – меня увольте.

Иван Михайлович. Что ж ты, братец, однако!

Приказчик. Нет, уж сделайте такую милость, я не могу.

Иван Михайлович. Что вы, шутите, верно? Как же это возможно, в самую рабочую пору.

Приказчик. Воля ваша-с, Иван Михалыч, а я вам не слуга. Старался я, сколько мог. Только грех один с этим народцем. Увольте.

Иван Михайлович. Вот и хозяйничай! *(Ходит в волнение. Останавливается перед приказчиком.)* Свинья ты! Как же вы полагаете, что можно напутать, нагадить да в самую рабочую пору уйти?

Приказчик. Что ж делать!

Иван Михайлович. Вон! Только рук марать не хочется. Нет, это разбой. Это черт знает что такое! *(Ходит.)*

Марья Васильевна. Ведь я говорила, что они теперь все уйдут.

Любочка. А ты бы, папаша, вольным трудом. Анатолий Дмитриевич говорит, что это лучше.

Иван Михайлович. Ну вас к богу! Мелют, не знают что. Завязать глаза, да бежать! Все раскрыто, развалено, тащут, крадут, никто ничего не работает! Мальчишки старших учат. Все перебесились. Вот те и прогресс!

Катерина Матвеевна. Тут есть, по-моему, причины, глубже коренящиеся в отношениях строя народной жизни.

Иван Михайлович. Отстаньте вы, ради Христа! Что ж, вы останетесь? Я вас прошу остаться. Пойми, что я не могу приискать теперь вдруг другого.

Приказчик. Никак не могу-с, у меня и место есть.

Иван Михайлович *(сердится).* Хорошо, так ты думаешь, что ты так со мной разделаешься? Разбойник! Хорошо. А в стан!

Приказчик. Не смеете-с, нынче уж это прошло время.

Иван Михайлович. А, не смею? *(Схватывает его за шиворот.)*

Марья Васильевна *(вскакивает).* Jean! Иван Михайлович, что ты! Меня пожалей!

Иван Михайлович. Нет, я с тобой разделаюсь по-своему. Пойдем, каналья! *(Ведет к двери.)*

Марья Васильевна и Любочка уходят.

Явление восьмое

Входит Венеровский.

Венеровский. Вот и я явился к вам – руку!

Иван Михайлович. Нет, это невозможно! Что делать?

Венеровский. А у вас что? Житейское? Что ж, хорошее дело. Хе, хе, хе!

Иван Михайлович. Нет никаких средств! вот человек, благодетельствованный мною, отпущен на волю до манифеста, землю подарил. Управлял именем и теперь вдруг, без всякой причины...

Венеровский. Не хочет продолжать служения, хе-хе! что ж, дело известное. Хотелось бы его побить, помучать, пожечь на тихом огне, да нельзя – что ж делать! Это дурная сторона вольного труда.

Иван Михайлович. Ну, да черт с ним совсем! *[К приказчику.]* Ступайте, сдайте старосте. Я сам приду.

Приказчик уходит.

Венеровский. Ей-богу, вот на вас любуешься, Иван Михалыч. Как вы себя ломаете. Это сила! Да,

сила. А еще называют вас ретроградом – хе, хе!

Марья Васильевна. Чаю или кофею хотите со сливками? вот белый хлеб, масло.

Венеровский. Мегсі. Ну, а вообще, как вольный труд? Я подъезжал, видел: кипит работа – хе, хе! Идет?

Иван Михайлович. Ах, не спрашивайте! Идет, да вот этикие неприятности. Вы как?

Венеровский. Да мы что – ничего, работаем понемножку. Все это грязь губернская давит, душит. Кое-как боремся.

Иван Михайлович. Ну да, да.

Венеровский. Все подвигаемся, все понемногу; вот вчера школу открыли для детей золотых дел мастеровых. Выхлопотали помещенье, все: кое-как собрали деньжонок по купцам на книги. Идет ничего. Вы приезжайте как-нибудь с Любовью Ивановной посмотреть. Интересно.

Иван Михайлович. Вот ваша деятельность благодарная. Ну, а что, когда ваша другая лекция?

Венеровский. Да все некогда, все служба. Мошенничают очень заводчики. Третьего дня одного поймал. В три тысячи взятку предлагал, хе, хе! Смешные люди, даже и оскорбляться нельзя. Ведь что ж делать: все равно как по-китайски говорят, хе, хе, хе! Вы приезжайте на днях с Любовью Ивановной школу посмотреть. Да, знаете, работаешь, работаешь – оглянешься, все-таки чувствуешь, что хоть сколько-нибудь облагораживается этот губернский круг. Хоть ненавидят, хе, хе, да мне что! Я люблю, как ненавидят. Признак силы, хе, хе! А я так не ненавижу, а презираю.

Иван Михайлович. Да что это в клубе у вас что-то было?

Венеровский. Да там мошенника одного поймали – старшина было хотел стащить деньжонки клубные, но поймали, уличили. Да ведь все больше плуты, хе, хе! Ну вот и радуешься, как замечаешь, что хоть немного начинают сквозь эти крепкие лбы проходить идеи прогресса, сознание чести и человеческое чувство, хотя немножко. Да, как хотите, а и одна честная личность, и то как много может сделать. Вот на себя посмотрю, что ж мне скромничать, хе, хе!

Иван Михайлович. Ведь как же и винить, какое было воспитанье?

Венеровский. А у меня к вам свое личное дельце есть. *(Отводит в сторону.)* Ведь сколько об общественном деле ни думай, иногда приходится об себе подумать, все-таки эгоистическое чувство [*И неразоб.*] остается во всяком человеке. Редко это со мной бывает, а вот теперь вышел такой казус... Как сказать, и не знаю! Так отвык, право, заботиться о своих интересах. *(Усмехается.)* Смешно, право...

Иван Михайлович. Да что ж это, уж не денег ли вам нужно? Я всегда готов по средствам моим...

Венеровский. Нет! Ведь я знаю, вы меня не любите, да что делать! Ведь в нас сила. С нами надо посчитаться.

Иван Михайлович. Да что ж наконец, я, кажется, догадываюсь... но это такое дело, в котором...

Венеровский. Ну, а догадываетесь, так дочь дайте мне свою, вот что! Только как можно, пожалуйста, попроще.

Иван Михайлович *(торжественно)*. Предложение ваше, Анатолий Дмитриевич, мне приятно. Я был об вас всегда самого лучшего мнения. И теперешний поступок ваш подтверждает все хорошее. Вы поступили, как истинно честный человек. Вы ездили в дом не без цели, не компрометировали девушку; и потом вы, как истинно благородный человек, не позволили себе смущать девушку, а обратились прежде к отцу. Это высоко благородная черта.

Венеровский. Ну, по нашим убеждениям, это иначе немножко, хе, хе. Я уж говорил с Любовью Ивановной. Она, хе, хе! хочет.

Иван Михайлович. Гм... Да... вы знаете... ну да, я согласен...

Венеровский. Согласие Марьи Васильевны, я полагаю... Хе, хе... ну да. Однако только... Вы знаете, я чудак по-вашему, хе, хе! Мне бы неприятны были все эти поздравления, сплетни... Как бы поменьше людей видеть, которых я презираю. Поэтому оставьте все это втайне до времени; все эти церемонии ведь глупы.

Иван Михайлович. Хорошо, я понимаю. Теперь, будущий мой зятюшка...

Венеровский. Иван Михайлович! Я все Анатолий Дмитриевич, а вы – Иван Михайлович; а то – что за зять и тесть! Это ни к чему не ведет и мне неприятно, и, главное, глупо.

Иван Михайлович. Оно так, да... Ну, теперь еще я считаю нужным объяснить вам о состоянии Любочки. Мы небогаты, но...

Венеровский. Вот уж удружили... Что мне в состоянии? Ее состояние – ее состояние; есть у нее, тем лучше. Кажется, кто хоть немножко понимает людей, может видеть мою деятельность и по ней судить обо мне. Я вам скажу, что мне нужно. Моя цель одна. Девушка эта – хорошая натура, в ней есть задатки хорошие. Я не влюблен в нее. Я этих глупостей не знаю. В ней есть задатки, но она неразвита, очень неразвита. Я желаю одного: поднять ее уровень до нашего, и тогда я скажу: я еще сделал дело, и желал бы, чтобы никто мне в этом не мешал. Это я вперед вам говорю. Вам может это казаться странным, но мы люди новые, и что вам странно и трудно, нам просто. Так не говорите никому до

первого августа, и дело обделается прекрасно. (*Жмет руку.*)

Иван Михайлович крепко и долго жмет руку.

Иван Михайлович. Я все понимаю, все понимаю. Позвольте вас обнять.

Венеровский. Нет, уж пожалуйста, оставьте. Мне будет неприятно. Прощайте! (*Венеровский уходит.*)

Иван Михайлович. Благороднейший человек. Это так. Вот он, новый-то век! Но все-таки странно как-то, пока не привык. Но слава богу, слава богу!

Занавес опускается

Действие второе

Сцена первая

Действующие в первой сцене

Иван Михайлович Прибышев.

Катерина Матвеевна Дудкина.

Анатолий Дмитриевич Венеровский.

[**Сергей Петрович**] **Беклешов**, товарищ Венеровского по университету.

Лакей.

Явление первое

Театр представляет холостую беспорядочную комнату на квартире Венеровского.

Венеровский (*один с своим портретом в руках*). Жениться! Страшно, глупо связать себя навеки с неразвитой и развращенной по среде женщиной. Страшно утратить собственную чистоту и силу в постоянных столкновениях с ничтожеством и грязью – а приятно. Многое приятно. Обеспеченность жизни... потом сама, как женщина... не вредна. Службу можно бросить. Литературный труд... Да главное – очень приятна. Великолепно это все. Великолепная женщина!.. И, однако, она поцеловала меня не без удовольствия. Даже с увлечением огромным. И я испытал такое ощущение, как будто я не ожидал. Да я и не ожидал. Отчего ж не ожидал? Странно, в каком заблуждении я был насчет себя. До какой степени, однако, я не понимал самого себя. (*Смотрит в зеркало.*) Да, хорошее лицо, замечательная наружность. Очень, очень даже хорошее. Да, то, что называют приятный мужчина; очень привлекательный и замечательной наружности человек. А как сам-то не знаешь себя! И смешно вспомнить, с каким страхом я приступал к ней. Было чего бояться, хе, хе! Я думал прежде, что наружность моя не очень привлекательна, и старался утешить себя. Ну, думаю себе, я не так привлекателен, как другие, но зато умен, потому что кого ж я знаю умнее себя? Кто ж так тонко, легко и глубоко понимает вещи? Ну, думаю себе, я не хорош, не могу равняться с этими красавцами, вот что по улицам на рысках скачут, но зато, думаю себе, ум огромный, сила характера, чистота либерального характера, честность... Все это за глаза вознаграждает. Это все я утешал себя. Думаю себе: я не умею обходиться в гостиных, не умею болтать по-французски, как другие, и завидно мне бывало салонным господам. Ну, да думаю, зато я образован, как никто... да я и не знаю никого с этим всесторонним и глубоким образованием. Есть ли наука, в которой я не чувствовал бы в себе силы сделать открытия – филология, история, – а естественные науки? Все мне знакомо. А дарованья... И думаю себе: вот разделяет судьба – одним, как мне, ум, талант, образование, силу, другим – пошлые дары: красоту, ловкость, любезность. И вдруг, что же оказывается? Оказывается, что природа не разделила, а совокупила все, да все в одном человеке. И все от того, что в Петербурге я и не имел случая испытать свою силу над женщинами... этого разбора. А вот оно здесь. В самом лучшем дворянском кругу, и в самом пошлом, где видят только внешность. Потому что не могла же Люба понять сущность моих достоинств... В этом кругу две женщины в меня влюбля-ют-ся. Да, влюбляются. (*Самодовольно.*) Да, должно быть, я очень нехорош и неловок... Как не знаешь-то себя, смешно вспомнить! (*Смотрит в зеркало.*) Да, очень хорошо... А в соединении с этой нравственной высотой, которая все-таки ими чувствуется, как они ни низко стоят, оказывается, что таких людей мало. Может быть, и нет совсем. (*Хмурится. Смотрит в зеркало.*) Какое глубокое, спокойное, пронизательное выражение! Да, трудно устоять. Я понимаю это. Что значит, однако, сильная натура. Всегда ценишь себя ниже стоимости, не так как всякая дрянь, воображающая себя бог знает чем. А выходит, что нет человека более счастливо одаренного и вместе с тем менее ценящего свои достоинства. Да... Это ясно.

Явление второе

Венеровский; входит Беклешов, товарищ Венеровского по университету, чиновник по мировым учреждениям.

Беклешов. Ну, брат, нынче охота отличная была. Ха, ха! Я только из присутствия.

Венеровский. Это похвально, что ты в трудах жизни обретаешься. Что ж бог дал?

Беклешов. Затравили, брат, помещиков пару, одну помещицу, да чиновника-взяточника притянули. Все в одно заседание. Была игра, могу сказать!

Венеровский. Это хорошо. И им полезно, и мне приятно слышать, и ты удовольствие испытываешь.

Беклешов. Несказанное, братец, удовольствие! Как же, вся жизнь на том стоит. Моя страсть и специальность. Ваша братья, идеалисты, только умозаключает, а мы, практики, действуем. Ведь отчего я принимаю участие в твоей женитьбе? Вовсе не потому, что я тебе товарищ и приятель и что я вижу тут вопрос о твоем счастье. Вовсе нет. Я вижу только в этом млекопитающегося Прибышева, который тебя намерен надуть и которого надо затравить, и я затравлю. Ну что, как дела? Едем нынче к Прибышевым? Ведь нынче формальное объявление. Я готов и во всеоружии.

Венеровский. Да что, хорошего мало. Хе, хе, хе! Нынче обручение. Штука весьма глупая, и необходимо обойти ее сколь возможно.

Беклешов. Это все ничего. Денежные-то отношения как? было объяснение?

Венеровский. Вот практический-то склад сказывается!

Беклешов. А то как же? Это главное обстоятельство.

Венеровский. Я почтенному родителю изъяснялся в первый же день, что ее состояние – ее состояние, и чтоб он мне этого вздора не пел, да, – хе, хе! – и родитель значительно был порадован таким моим воззрением – ну, да...

Беклешов. Ох, идеалист! Да ведь ты сам дал ему оружие. Он по свойствам своей телячьей природы возмечтает, что твоей ничего не надо давать, а взять на себя содержание женщины, не получив новых средств, безумно. Кажется, нечего доказывать.

Венеровский. Это так. Но я все-таки приму меры, чтобы не быть в дураках. Цель моя одна – вырвать эту девушку, хорошую девушку, из одуряющих и безнравственных условий, в которых она жила. И потому очевидно, что эта личность не должна ничего потерять вследствие того, что она избрала меня, не должна быть лишена тех простых, наконец, удобств жизни. Я приму меры для ограждения ее интересов.

Беклешов. Только не попадись. Ваша братья, идеалисты, на это молодцы. Делают планы, а практично не обсудят. Ну, какие же ты меры примешь?

Венеровский. Вот видишь ли. В последнее наша свиданье Прибышев опять начал разговор о деньгах при ней; я сказал, что об этом предмете я нахожу удобнее переговорить с глаза на глаз, чем парадировать перед публикой.

Беклешов. Да в том, брат, и штука, что ты будешь деликатничать, а они тебя надуют.

Венеровский. Вот видишь ли, я назначил нынешний день для этих переговоров. Я намерен сказать, что желаю, чтобы отношения эти уяснились. За это я поручусь.

Беклешов. Он тебя надует, это я тебе говорю. (*Задумывается.*) Помни одно: для них, для этого народа, обряд важнее всего. На этом-то их надо ловить. Помни одно: не иди в церковь до тех пор, пока не получишь в руки формальные акты, утверждающие за ней известное имущество.

Венеровский. Ты так ставишь вопрос, как будто для меня все дело в ее состоянии. Мне неприятно это даже. Ты уж слишком практичен.

Беклешов. Ну, я ведь говорю – идеалист! Да ты забываешь, с кем имеешь дело. Ведь это подлец на подлече. Грабили пятьсот лет крепостных, пили кровь народа, а ты с ними хочешь идеальничать. Ты имеешь цель честную – спасти ее, ну да. Ну, что ж тебе в средствах! Ведь это мальчишество, студентство!

Венеровский. Мне, брат, дело нужно прежде всего. <Другое и более важное обстоятельство – студент. Для меня он ничтожен, но она еще не знает меня вполне, не может ценить, что должно ценить во мне, и смотрит только с пошлой точки зрения. И потому заинтересована им. Это с одной стороны. С другой – девица Дудкина сгорает желанием объяснений и с свойственным женщинам легкомыслием огорчится известием о моей женитьбе. Так вот надо устранить эти два зловредных влияния: и студента, и этой госпожи. Вот в чем нужна помощь практического друга.>

Беклешов. Хорошо, хорошо. Идеалист! Я говорю, коли я не возьму тебя в руки, ты попадешь, как кур во щи. Ну, да с этой точки зрения мы затравим. Ну, расскажи, сама особа какова?

Венеровский. Как тебе сказать – девочка по наружности весьма приятная, добрая, ласковая, и натура еще не вполне испорченная. Задатки есть очень хорошего. В эти последние две недели я много давал ей читать, много говорил с ней. Она начинает понимать вещи в настоящем виде. Например, чувствует уже всю гнусность среды, желает из нее вырваться и понимает ничтожество своих почтенных родственников. Натура весьма честная и хорошая. И, раз вырвав ее из этого подлого гнезда всякой мерзости и разорвав, разумеется, все связи с почтенными родственниками, я надеюсь, она доразовьется

вполне. Вот увидишь. Поедем нынче.

Беклешов. Гм, гм. Это хорошо. Ну, а что это за особа племянница?

Венеровский. Племянница эта, видишь ли, эмансипированная девица, неглупая и развитая натурка, но непривлекательной наружности.

Беклешов. А вот, как хочешь – не дается женщинам вместе миловидность и развитие. Эти глупенькие, розовенькие все-таки приятнее.

Венеровский. Хе, хе! да, конечно. Так эта особа для меня весьма неудобна. Вот видишь ли, в прежнее время между мной и этой девицей были кой-какие отношения... Она была единственное мыслящее существо во всей семье, ну и невольно я сблизился с нею. Ну, теперь эта особа как бы заявляет свои притязания. Ну, глупо выходит, и может выйти еще хуже, когда моя женитьба ей станет известна.

Беклешов. Это скверно.

Венеровский (*гордо*). Нет, почтенный Сергей Петрович, упрекнуть меня никто не может: я поступил, как должен поступить каждый честный человек, понимающий свободу женщины. Я тогда сказал ей, что не беру на себя никаких обязательств, что отдаю только на время этим отношениям.

Беклешов. Ха, ха, ха! Ведь я вижу, что тебя смущает: ты думаешь, уж не дурно ли ты поступил в отношении ее? Вот идеализм-то! Да ты подумай, с кем ты имеешь дело. Помни ты, что эти люди считают дурным и хорошим. Ведь все нравственные понятия извращены в той среде, где они живут. С этими людьми ежели считаться, всегда будешь в дураках. Первое правило знай, что то, что для нас нечестно – для них честно, и наоборот. С этим и соображайся. Но, положим, ты находил удовольствие с ней – на безрыбье и рак рыба – что ж из этого следует?

Венеровский. Это так, – но девица эта навязчива, считает за собой права и может повредить мне. И вообще, я бы желал устранить ее.

Беклешов. Надо посмотреть.

Явление третье

То же, входит грязный сторож, старик, служащий вместо лакея, а потом Катерина Матвеевна и Иван Михайлович.

Сторож. Анатолий Дмитрич, ента барышня опять вас спрашивают, да и с барином.

Венеровский. Какая барышня?

Сторож. А ента, что прежде бывала, стриженная.

Венеровский. Это Прибышев с племянницей. Пусти.

Сторож уходит.

Беклешов. Вот на ловца и зверь бежит. Затравлю обоих.

Входят Иван Михайлович и Катерина Матвеевна.

Иван Михайлович. Ну, были в вашей школе с Катенькой. Любочка хотела тоже ехать, да боялась, – она простудилась вчера. Вот и заехали к вам. Ну, я вам скажу, Анатолий Дмитриевич, что за прелесть эти дети, что за такое-этакое! Да, вот истинно славно, славно!

Венеровский. Что ж, хорошо сделали, что заехали. Могу вас познакомить: Беклешов, мой товарищ – господин умный и хороший. Катерина Матвеевна, и вас знакомлю.

Катерина Матвеевна (*крепко жмет Беклешову руку, так что он морщится от боли; Беклешову*). Меня всегда поражало то явление, что между мужчинами связи товарищества имеют устойчивость, тогда как между женщинами явление это не... воспроизводится, так сказать. Не коренится ли причина этого в низшей степени образования, даваемого женщине? Не так ли?

Беклешов. Конечно, связь упрочивается единством воззрений, а не...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте. Я полагаю, вы близки преимущественно с Анатолием Дмитриевичем не в силу того, что вы товарищи, а в силу того, что вы разделяете одинаковые убеждения.

Беклешов. Конечно, мы-с разделяем одни убеждения. Вы в школе были?

Катерина Матвеевна. Да. Скажите, как вы думаете: мне пришла мысль, не может ли быть вредно развитие рефлексии у мальчиков? Согласитесь, ведь имеешь дело с слишком дельными личностями...

Беклешов. То-есть, я не знаю, как вы на это смотрите. Рефлексия есть только признак развития.

Продолжают говорить и отходят.

Иван Михайлович (*Венеровскому*). Я и давно хотел посмотреть эту школу – так интересно! а вместе с тем надо, думаю, нам переговорить нынче о делах, помните, о состоянии Любочки; вот я привез с собой. (*Показывает портфель*.) Здесь нам и удобнее будет. Потолкуем, а потом я вас повезу к нам. Что ж, Катеньке можно сказать, так как нынче все узнают. Она нам не помешает, а еще напротив – совет даст, – она хоть и с странностями, а человек умный. Катенька!

Венеровский. Теперь неловко, – знаете, этот господин...

Иван Михайлович. Ну, можно и после. Только уж нынче я вас не отпущу. Ведь надо же вам знать. *(Беклешов и Катерина Матвеевна подходят.)* Ну, как я вам благодарен, Анатолий Дмитриевич, за позволение посетить школу. Что за прелесть эти детинятки, я не могу опомниться. Как веселы, любознательны, какие успехи, и какое это... что-то такое... Это вам надо отдать справедливость, дивно устроено! Славно. Вот именно-то доброе дело... славно, славно.

Венеровский. Да, все работаем понемножку. Хоть и мешают, да ломим.

Иван Михайлович *(Беклешову)*. Я нахожу, что для нашего народа нет прогресса без истинного образования, я разумею нравственное образование.

Беклешов. Да, как кто понимает нравственное образование, а конечно, полезно.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! Скажите, Анатолий Дмитриевич, отчего вы не ввели звуковую методику? Она доступнее и рациональнее, гораздо рациональнее.

Венеровский. Что ж, не все рационально делается. Я предпочел Золотова упрощенную методику.

Катерина Матвеевна. А еще мне хочется вам прямо высказаться. Вот мы говорили с Беклешовым. Я полагаю, что нерационально развивать рефлексию в низко стоящих личностях.

Иван Михайлович. Извините, мне только нужно зайти в присутствие, а потом поедете, переговорим.

Венеровский *(к Катерине Матвеевне)*. Сейчас посудим-с, хе, хе, хе! *(Ивану Михайловичу.)* Что ж, заезжайте, вот и Беклешов с нами поедет. Есть где сесть в вашем тарантасе, что ли?

Иван Михайлович. Сядем, сядем. *(К Беклешову.)* Очень, очень рад. Нынче у нас приятный день. И приятель Анатолия Дмитриевича для нас дорогой гость.

Говорят тихо.

Катерина Матвеевна *(к Венеровскому)*. Ежели я останусь здесь, я возьму на себя часть преподавания в этой школе. Я вам докажу на опыте, что рефлексия вредна.

Венеровский. Что ж, это можно.

Иван Михайлович *(уходя)*. Так до свиданья, я в пять минут готов.

Венеровский *(Ивану Михайловичу)*. Что ж, приходите, приходите. *(К Катерине Матвеевне.)* Почему же вы так нападаете на развитие рефлексии в детях? Я полагаю, что то, что есть благо для нас, будет благо для каждого.

Катерина Матвеевна *(к Венеровскому)*. Нет, позвольте, позвольте! Во мне столько возникло идей по случаю посещения этой школы! Является вопрос: что вы хотите сделать из этих личностей? Признаете ли вы развитие каждого индивидуума за несомненное благо, или развитие единицы без общественной инициативы может повредить этим единицам в силу существующего ненормального порядка?

Венеровский. Я признаю-с развитие всегда за благо, в каких бы формах оно ни проявлялось бы, но...

Катерина Матвеевна. Да, по пути прогресса, прибавьте.

Венеровский. Само собой подразумевается. Но, ведь надо принять в соображение препятствия окружающей среды.

Катерина Матвеевна. Это так, но что хотите говорите, я уж сказала вам, что я чутьем сознаю, что вам не по плечу вся эта убивающая обстановка, затхлая атмосфера, которою мы дышим...

Венеровский *(хочет что-то сказать приятелю)*. Ты...

Катерина Матвеевна. Нет, позвольте, позвольте, дайте мне высказаться. Вы задались мыслью в этом застое прокладывать свет, но вас задавит среда, вам нужна более широкая арена. *(К Беклешову.)* Не так ли?

Беклешов *(тихо Венеровскому)*. Ну, брат – девица! Вот и выскажись.

Катерина Матвеевна *(подумавши)*. Да, это посещение породило во мне такую вереницу идей. Я еще больше стала уважать вас. *(Жмет руку Венеровскому и говорит ему тихо.)* Нынче срок, который я назначила вам; я выскажусь нынче. Я желаю говорить с вами одна. *(Громко, к Беклешову.)* Беклешов, я выше общественных предрассудков, я имею личное дело к Венеровскому и потому прошу вас уйти. Вы тоже выше?..

Беклешов. Конечно; я посижу в той комнате. *(Уходя, к Венеровскому.)* Тем лучше. Да, развитая, а неприятная, могу сказать. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Те же, без Беклешова. Катерина Матвеевна молчит, Венеровский смеивается и молчит тоже.

Катерина Матвеевна *(приходит в замешательство)*. Да, нынче тот срок... и так сказать... да, внутренняя работа совершилась... но вы честная личность... женщина уже вышла из-под того гнета, в котором душили ее... она равноправна мужчине, и я... да, я пришла честно и прямо сказать вам... я глубоко сознала самое себя... да, я... Да скажите же что-нибудь!..

Венеровский. Я послушаю. Разговор, кажется, должен быть интересен.

Катерина Матвеевна. Да, но так сказать... да, погодите...

Венеровский. Я подожду. Вы обещали сообщить мне ваши чувства, но вас что-то затрудняет. Вы свободная женщина – вы превозможите себя. Для ясности отношений нужна ясность выражений, слова. А определенность в наших отношениях мне весьма желательна. Я выскажусь прямо, и вы высказывайтесь, не стесняясь староверческим взглядом на отношения мужчины и женщины. Вы не затруднитесь, – это старый Адам, как говаривали мистики блаженной памяти, смущает вас... Ну-с...

Катерина Матвеевна *(решиительно)*. Да, это так, это старый Адам. Я выше этого. *(Протягивает руку.)* Венеровский! Я исследовала глубину своего сознания и убедилась, что мы должны соединиться! да... В каких формах должно произойти это соединение – я предоставляю вам. Найдете ли вы нужным, ввиду толпы и неразвитых как ваших, так и моих родственников проделать церемонию бракосочетанья – я, как ни противно это моим убеждениям, вперед даю свое согласие и делаю эту уступку. Но я желаю одного. Среда, как я уже сказала, душит вас и подавляет меня. Мы должны уехать отсюда. Мы должны поселиться в Петербурге, где найдем более сочувствия нашим убеждениям, и там должны начать новую жизнь, на новых принципах и основах. Вопрос же об обладании мною уже решен между нами.

Венеровский. Вот-с это честно и ясно. По крайности-с и я могу высказаться так же категорично и постараюсь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, я не все сказала. Жизнь, которая ожидает нас, будет иметь значение не только для нас, но и для целого общества. Мы будем первообраз новых отношений мужчины и женщины, мы будем осуществлением идеи века, мы будем...

Венеровский. Позвольте и мне сказать словечка два!

Катерина Матвеевна. Венеровский! я уважаю вас, – вы знаете меня. Я женщина свободная и равноправная мужчине. Я горжусь тем, что первая сказала: я хочу соединиться с вами и жду честного, сознательного ответа. Все это очень просто. *(Откидывает волосы и ходит в волнении.)*

Венеровский. Вот и оказывается всегда, что простое и честное отношение к жизни удобнее и целесообразнее. Вы говорите, что желаете соединиться со мной. Это весьма понятно: по крайней мере, и знаешь, что отвечать. Ваш самый выбор и способ его выражения, все доказывает ту высокую степень развития, на которой вы стоите. Я не знаю другой девицы, которая бы могла поступить так сознательно. Я прямо отвечаю, что это соединение мне неудобно, и потому не могу принять его. Что же касается до наших прежних отношений, то именно то нравственное чувство правды, которым вы обладаете в такой силе, должно ручаться за вашу скромность в этом отношении.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте... Вы отказываете мне? *(Останавливается и откидывает волосы.)*

Венеровский. Катерина Матвеевна, нет современного человека, который бы не считал наградой за свои труды ваше предложение, но я сделал другой выбор, и потому...

Катерина Матвеевна. А! хорошо, очень хорошо... Позвольте, я уважаю вас. *(Ходит в волнении.)*

Явление пятое

Те же и Иван Михайлович.

Катерина Матвеевна. А, Иван Михайлович! Мы переговорили, положение разъяснилось. Да, я очень рада этой определенности. Да, мы все уяснили.

Иван Михайлович. Разве что-нибудь было неясно между вами?

Венеровский. Более отвлеченные вопросы.

Катерина Матвеевна. Позвольте, не вполне отвлеченные... ну, да все равно, я очень рада, поедемте домой...

Иван Михайлович. Нет, уж извини. Нынче я обещал переговорить с Анатолием Дмитриевичем о делах и нарочно сюда приехал, вот и бумаги привез... Теперь, Катенька, тебе можно сказать. Поздравь меня и Анатолия Дмитриевича. Он сделал лестное для нас предложение Любе и женится первого августа.

Катерина Матвеевна *(Венеровскому)*. Есть три рода любви: любовь Астарты, любовь Афродиты я любовь равноправности... Венеровский, вы не встали еще выше любви Астарты. Я считала вас выше... но я все еще уважаю вас. Иван Михайлович, вы долго будете говорить?

Иван Михайлович. Да, с четверть часа пробудем и поедем.

Катерина Матвеевна. Венеровский, дайте мне последнюю «Полярную звезду», я почитаю.

Венеровский *(подает ей книги)*. Вот она; обратите внимание на эту статью. Очень он хорошо разбирает... Да не хотите ли в ту комнату, чтоб мы вам не мешали?

Катерина Матвеевна. Нет.

Венеровский. Право, вам лучше.

Катерина Матвеевна. Нет.

Венеровский (*в сторону*). Опять невозможно объяснение!

Катерина Матвеевна садится к столу в стороне, облакачивается и начинает читать, изредка взглядывая на Венеровского и сомнительно качая головой. Иван Михайлович садится к столу, раскрывает портфель и разбирает бумаги, Венеровский садится против него.

Иван Михайлович. Ну, вот, любезный и дорогой Анатолий Дмитриевич...

Венеровский. В чем дело-с? Говорите.

Иван Михайлович. Вы были так благородны в первый день, когда я стал говорить о Любочкином состоянии, что отклонили от себя этот разговор; я это очень ценю, поверьте. Но согласитесь, что мне, как отцу, приятно, так сказать, дать отчет в управлении состоянием дочери, дать отчет перед будущим ее мужем...

Венеровский. Что ж, я слушаю-с. Говорите.

Иван Михайлович. Ведь я откровенно скажу. Можно бы другому совеститься, как бы не сочли за корыстолюбие, но уж вам-то, Анатолий Дмитриевич, кажется, можно быть покойным и на этот счет. Уж верно, никто не скажет, чтобы вы женились на деньгах...

Венеровский (*оглядываясь на Катерину Матвеевну*). Конечно, так. Но все это не ведет нас к делу.

Иван Михайлович (*разбирает бумаги, берет одну*). Видите ли, у меня состояние небольшое, оно перейдет к сыну. У Любочки состояние матери. Мать желает удержать себе некоторую малую часть – остальное, мы решили, что все перейдет вам...

Катерина Матвеевна (*встает, откидывает волосы*). Позвольте, позвольте, Анатолий Дмитриевич, уважение, которое я имела к вашей личности, начинает колебаться в глубине моего сознания. Вы две недели тому назад высказали убеждение, что не уважаете Любочку. Это было в порядке вещей.

Иван Михайлович. Катенька, не мешай, что ты приплетаешь!

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! Венеровский, вы высказали мне убеждение, что не уважаете ее как женщину, а теперь вы женитесь. Это непоследовательно.

Венеровский. Я не понимаю, с какою целью вы говорите это.

Катерина Матвеевна. Позвольте, я сказала: вы непоследовательно поступили. Я высказала только это. Теперь вы трактуете с Иваном Михайловичем о денежных делах вашей невесты, – так, кажется, это называется? Я вижу в этом факте низкий торг человеческой личностью и потому прошу вас не оскорблять меня, не оскорблять друг друга, не оскорблять достоинство человека, продолжая этот разговор. Я все сказала.

Иван Михайлович. Однако, Катенька, это становится скучно и глупо.

Венеровский. Весьма странно – все, что я могу сказать (*тихо к Ивану Михайловичу*). Оно, действительно, скучный разговор, и ежели вам желательно передать что-нибудь, передайте Беклешову, а мне, право, и некогда, а я ему скажу.

Иван Михайлович. Что ж, Анатолий Дмитриевич, поедemте ко мне. Зовите его. Поедemте!

Катерина Матвеевна. Я не допущу этого унижения.

Иван Михайлович. В самом деле, это скучно, едемте.

Венеровский. Я вслед за вами.

Иван Михайлович и Катерина Матвеевна уходят.

Явление шестое

Беклешов (*выходит из другой комнаты*). Ну, брат, могу сказать – девица азартная. Ее надо устранить. Необходимо надо устранить.

Венеровский. Но как?

Беклешов. Я боюсь одного, что вся эта сцена была сыграна и что рьяная девица Дудкина подучена Зуботыковым.

Венеровский. Нет, девица действовала в простоте глупой души.

Беклешов. Я тебе говорю, что нет мерзости, на которую эти господа бы не были способны. Но дело в том, что ты мне поручаешь переговорить с отцом о состоянии – скажи ему это дорогой, – и от меня он не отвертится. Насчет девицы ж я знаю одно: она сдается потребностью любить. На нее надо напустить какого-нибудь юношу, тогда только она от тебя отстанет. Едем. Я затравлю их обоих.

Венеровский. Практичный муж, да. Хе, хе!

Занавес опускается

Конец первой сцены второго действия

Сцена вторая

Театр представляет деревенский сад в имение Прибышевых.

Во второй сцене второго действия действующие лица**Иван Михайлович Прибышев. Венеровский.****Марья Васильевна. Беклешов.****Любовь Ивановна. Няня.****Катерина Матвеевна. 1-й гость.****Петр Иванович. 2-й гость.****Твердынский. [Гостья].****Явление первое**

Марья Васильевна и няня.

Няня. Вот и вышло по-моему, матушка Марья Васильевна, все, что я говорила. Жених – жених и есть. И на картах сколько ни выкладывала, все бубновый король и свадебная карта. Так все и ложилось.

Марья Васильевна. Да, няня, не легко с дочерью расставаться. Как Иван Михайлович мне нынче сказал, так как ударило меня что-то в это место. *(Показывает на затылок.)* Так дурно голове. Вот прошлась, и ничего не легче. Ведь приданое, свадьба, все это хлопоты какие!

Няня. Что вам хлопотать? Все готово, все есть.

Марья Васильевна. Одно, как же быть? жених гостей не любит. А ведь нельзя же родных не позвать. Хоть нынче к обеду я Семену Петровичу, Марье Петровне, всем послала...

Няня. Нельзя же, матушка. Как будто украдучи дочь отдаете. Ведь не нами началось, не нами и окончится. Свадьба дело не шуточное. Небось не хуже его ваши-то родные. Что нос-то уж он больно дерет! Что он, князь, что ли, какой? Не бог знает какого лица.

Марья Васильевна. Ты все, няня, его бранишь, нехорошо. Ты вспомни, ведь Любочкин муж будет. Вот всего неделя осталась. Да и Любочка как влюблена, так влюблена! Я даже удивляюсь. Любочка, Любочка, а глядь, у ней через год у самой Любочка будет. И как это все сделалось? Нет, ты, няня, про него дурно не говори. Точно ведь, человек он очень значительный, – так все про него судят. Все знает, везде бывал, писатель. А про кого худо не говорят?

Няня. Я, матушка, при Любочке – при Любови Ивановне не скажу, а кому же вам сказать, как не мне? Нехорошо, совсем не пристала фанаберия эта. Что вы, однодворцы, что ли, какие? Что ему перед вашими родными-то чваниться? Что он за границей бывал, так нынче, матушка, нет той ледящей помещицы, чтоб за границей-то не бывала. За границей был, вот я какой! И все ездят. Не так, как в старину. Или – я писатель! Эх удивил, невидаль какая – уж на что Катерина Матвеевна! Ведь мы с мальства видели – уж как непонятлива была, и этого чтоб ловкости или приятности, нет ничего, а тоже намедни сказывали, что-то такое напечатывала. Да на что отца дьякона сын меньшей, из семинарии выгнали, а тоже печатывает. По-нынешнему этим не удивишь. Опять – ни богатства, ни родни. Сказывают, отец какой-то пьяный, что и сын к себе не пускает. Ни обращения... так что-то такое. Нет этого входа благородного. Вот как Иван Михайлович, как оденется, да еще помоложе были, взойдет, бывало, молодцом. А так что-то все хочет по-новому, что-то особенное. А нет ничего; и пошутит другой раз – не пристало как-то.

Марья Васильевна. Ах, няня, не говори лучше! Уж, видно, такая судьба.

Няня. Это ваша правда. Словами не можешь. Одно – ручки ваши, ножки расцелую, послушайте вы скверную, гадкую няньку Марью, послушайте вы мой совет. Богом вас прошу! Не давайте вы ему ничего до времени из денег или из имения. Ведь все ваше, и никто не может вам заказать. Дайте все: приданое, платье, постели, брильянты, дайте все в лучшем виде, а деньги погодите давать. Все человек неизвестный. Погодите, посмотрите, что от него отродится. Дать успеете. Ведь уж я знаю, вы себе ничего не оставите.

Марья Васильевна. Как ты глупо судишь, няня. Ну, как же это можно?

Няня. Уж послушайте раз дуру, попомните. Вот вас богом прошу. Ведь ничего худого не будет. Поживете с ним месяца два, полгода, будет почтителен к теще, с нею хорош, тогда дайте.

Марья Васильевна. Ах, как ты глупа!

Няня. А то что ж, лучше будет, как он денежки заберет, да и вам почтенья не окажет, и ей-то горе мыкать придется? Он и теперь что про вас говорит! Все равно вас считает, как вот этот чулок. Раз в жизни послушайте Машку-дуру, а не послушаете – плакать будете. И близко локоть – да не укусишь.

Марья Васильевна. Какая ты глупая, няня. Я поговорю с Иваном Михайловичем. Непременно поговорю; вот и Любочка идет.

Явление второе

Те же, входят Любочка и студент.

Студент. Это мы совершили с вами не безудовольственную экскурсию.

Любочка. Мамаша! Что ж они не приезжают! Я ходила к ним навстречу. Все нет. Алексей

Павлович все со мной ходил и все врет.

Студент. Смехотворство учиняли по случаю пейзажных встреч. И беседа текла небеспрятно.

Любочка. Что вы ломаетесь? Надоели, говорите проще.

Студент. Ежели мой способ изъяснения вам кажется неприятственным, пойдемте на качели, Любовь Ивановна. Я качательное движение произведу.

Марья Васильевна. Вы, Алексей Павлович, не хотите ли позавтракать?

Студент. Можно попытаться – это ничего. Любовь Ивановна, пойдемте, право, а то скучно.

Любочка. Ну и скучайте одни, а мне надо дело делать.

Студент. Вот как-с. И важные упражнения-с?

Любочка. Мне надо статью прочесть, мне Анатолий Дмитриевич дал.

Студент. Вотще-с!

Любочка. Что вы ко мне пристаёте – право, надоели.

Няня. И как нескладно все что-то.

Студент. И вы мне надоели-с. Но я уважаю ваш пол-с.

Любочка. Что за обращение!

Марья Васильевна. Алексей Павлыч, теперь надо с Любой иначе уж обращаться.

Студент. Обращению я обучался по премудрой книжице, изданной в шестьдесят третьем году, сочинителя Белова в типографии Серкина под заглавием: «Обращение с особами прекрасного пола, или Искусство быть для оных привлекательным».

Любочка. Мамаша, прогони его; что он ко мне пристал! Пора вам заниматься с Петрушей. Петруша! Петруша (*кричит в окно*). Что?

Любочка. Зови Алексея Павлыча к себе заниматься. Идите, право, скука, – с самого утра не могу отделаться от вас.

Студент (*обиженно*). Вы изменили вдруг со мной обращение, и я не знаю, на каких данных.

Любочка. Ни на каких данных, идите вон – и все.

Студент. Прежде вы были много общительнее.

Няня. Эх, сударь, была бы я мать, уж вы бы так при мне с моей дочерью не говорили. Уж я бы вам такую распатрушила!

Марья Васильевна. Что ты, няня, полно, с ума сошла. (*Студенту.*) И что вы в самом деле пристаёте, Алексей Павлыч? Подите к Петруше, я вам завтракать пришлю, а мне нужно поговорить с Любой.

Студент (*в сторону*). Сей млекопитающий субъект одержим гневом. (*К Марье Васильевне.*) Что ж, это не вредно-с, позавтракать, пришлите. (*Уходит.*)

Голос Петруши: «Мать, пришли балыка и вина».

Марья Васильевна. Хорошо.

Явление третье

Няня, Марья Васильевна и Любочка.

Любочка. Мамаша, что ж мне делать? Куда я ни пойду, он везде за мной и пристаёт как горькая редька... не вели ему, право... Я теперь совсем другая стала.

Марья Васильевна. Ну, да вот нынче жених приедет, и всем объявят.

Няня. А вот вы бы, моя сударушка, сначала с ним бы не шутили. Этому народцу столько дай (*показывает на мизинец*) – он всю руку тянет. Не кокетничали бы, А то вам, что ни поп – то батька. Вот и дококетничались.

Любочка. Няня, да я совсем не кокетничала; так, прежде играли вместе с Петрушей... и он такой противный! А теперь я слова с ним не говорю, все учусь, книжки читаю, что мне Анатолий Дмитриевич принес, а он покоя не дает.

Няня. Построже держать надо себя. Да что, вы так по доброте! Я бы, коли б моя воля, я бы эту дрянь в дом не пускала. Да дайте срок – я ему напою. Ведь он во всем доме меня одну боится. Пускай его...

Любочка. Мамаша, Катенька еще не знает, что я невеста?

Марья Васильевна. Нет, душенька, только отец да няня, а больше никто. Ведь так вы хотели. Нынче всем объявят.

Любочка. Что ж они не едут? Право, страшно. Мамаша, ведь он недурен собой? Правда, няня?

Марья Васильевна. Да, значительное лицо.

Любочка. А какой умный! Коли бы вы слышали, как он мне все толкует. И как Катенька будет злиться! Ну, да поделом ей. Она все говорит, что я недоразвита. А я теперь и разовьюсь. Он говорит, что в две недели очень развилась. Няня, ты знаешь, она влюблена в него; Она по говорит, а уж я знаю. Вот они, вот они! Мамаша, ты не будешь плакать? Няня, не плачь, пожалуйста. Он этого не любит, да и

глупо. Это все старое, а у нас все будет по-новому. Ты и не понимаешь даже как, няня. Я так рада! Он такой умный. Да?

Марья Васильевна. Что ж, дай бог, дай бог!

Няня. Что ж, дурного нет ничего.

Любочка. Как дурного? Он отличный. Да?

Явление четвертое

Те же, входят Иван Михайлович, Венеровский, Беклешов, Катерина Матвеевна, [Твердынский].

Иван Михайлович (*представляя Беклешова*). Друг Анатолия Дмитриевича, Беклешов, Петр Сергеевич.

Марья Васильевна. Милости просим, очень рада. (*К Венеровскому.*) Как ваше здоровье? Comment va votre santé?

Марья Васильевна с Иваном Михайловичем входят в дом.

Катерина Матвеевна. Где Алексей Павлыч? Мне нужно сообщить вам кое-что.

Студент (*выходит из дома*). А мы там кормились с Петром Ивановичем.

Беклешов (*к Катерине Матвеевне*). Познакомьте меня, пожалуйста, с вашим студентом.

Катерина Матвеевна. Я понимаю, он один живая личность.

Беклешов. Очень, очень приятно. (*Жмет руку.*) Не пройдетесь ли? (*Уходят.*)

Любочка (*к Венеровскому*). Что вы так долго не ехали? Мне так скучно было. А я обе статьи ваши прочла. Я усвоила уж.

Венеровский. Это хорошо. А я размышлял кой о чем касательно вас.

Любочка. Что ж вы думали? я знаю?

Венеровский. Не думаю, Любовь Ивановна. Я вот думал нынче, даже кое-что набросал и на бумагу. (*Подает статью.*)

Любочка. Нет, пожалуйста, говорите со мной. Я так люблю.

Венеровский. Вот извольте видеть: думал я о нашел последнем разговоре. О женщине думал я, что одно из главных призваний нашего века – это освобождение женщины из варварского рабства, в котором она подавляется.

Любочка. Да, отчего нельзя в другой раз замуж выйти? Я часто это думала. Ну, вдруг наскучит мне один муж, я разлюблю его совсем...

Венеровский. Да-с, вот так-то в устах толпы и компрометируется великая доктрина эманципации женщин! Она не в том, совсем не в том. Свобода женщины в том, чтобы быть равноправной мужчине и не быть вечно на помочах отца, а потом мужа. Женщина должна твердо стоять в обществе на своих ногах и быть в силах прямо смотреть в лицо этому обществу.

Любочка. Отчего Катя все говорит, что я недоразвита. Я все новые идеи так понимаю, так все понимаю!

Венеровский. Да-с, вам трудно выразить мою мысль. Но я постараюсь выразить ее конкретнее.

Любочка. Как вы сказали? конкретнее? А еще я знаю – гносеологический путь. А еще эфику знаю... Ну, говорите, что вы хотели.

Венеровский. Да, я хочу примером вам сказать, в чем состоит истинная свобода женщины. Будь я один из тех отсталых господ, которые царствуют в нашем обществе, или из верхоглядов-либералов, я бы, женившись на вас, полагал бы, что я приобретаю право на вашу личность. Вы бы зависели от меня, я бы зависел от вас. Мы бы не могли двинуться, не оскорбляя один другого. Я, например, болен, вам противно видеть больную фигуру, вы обязаны быть тут; у вас или у меня желчный пузырь не выливает свое содержание в желудок, мы должны быть вместе и страдать, ссориться. Или я хочу деньги свои употребить на покупку книг, а вы, положим, на покупку...

Любочка. Ну, на покупку швейной машины или инструментов каких-нибудь. Я все буду такое покупать, а бархатного черного платья я уж не куплю. А мне очень хотелось. Ко мне идут тяжелые материи. Ну, так что вы говорили? Я так люблю вас слушать.

Венеровский. Ну, так и видите, главное в супружестве свобода и независимость обеих сторон.

Любочка. Ах, я это понимаю. Ну, каково мне вдруг знать, что вы мной будете командовать! Мне и гувернантки надоели. У нас была Сарра Карловна, вы ее не застали. Ах, какая скучная! Я бы ни за что не пошла за вас замуж, коли бы знала, что вы мной будете командовать. Потому мне и весело, что мы будем совсем как не то что чужие, а равноправные будем... Анеточка Зайцева, – вы ее видели у нас, – мы с ней подруги, но она очень вот уже точно недоразвита, все романы читает. Так она говорит, что замуж надо идти, когда любишь. Разве можно полюбить, когда захочешь? А ведь хуже притворяться. А вот когда равноправные, так очень легко. Они все мечтают. Как же можно влюбляться так, по заказу!

Венеровский. Да, Любовь Ивановна, любовь – для таких девиц, как ваша подруга, – это слово только. А мы устроим нашу жизнь так, чтоб мы не могли стесняться, я – вашу, а вы – мою свободу. Ежели

мы хотим, мы можем соединиться, а наскучило нам, мы можем разойтись, не стесняя один другого. Потом, жизнь наша не должна быть омрачена никакими предрассудками. Ежели бы вы вдруг нашли или я бы нашел, что нам тяжело жить вместе, мы должны иметь право разойтись без упреков, без желчи. Все это ново, но это просто.

Любочка. И прекрасно! Чудесно! Я все это понимаю. Нет, вы думали, что я глупа? Катенька мне все говорила. Я и сама думала. А теперь я вижу, что я умна. Я так все скоро поняла. Как вы начнете говорить, так я вперед знаю, что вы скажете. Право!

Венеровский. Истина проста, тем-то она и отличается от обмана. И у вас натура хорошая, вы быстро усвоите.

Любочка. Мне так смешно стало все наше старое житье. У нас с вами все будет особенное, с новыми идеями. Я вас за это и люблю.

Венеровский. Ничем, Любовь Ивановна, вы не могли так наградить меня, как тем, что вы сейчас сказали. Вам уж смешна становится вся ваша обстановка, скоро она гадка сделается вам, и тогда это будет хорошо. Вы понимаете, что главная преграда для развития индивидуальности вообще – это семья, в особенности для вас. В вас все задатки хорошие, но окружающие вас ниже самого низкого уровня. Одна человеческая личность – это Катерина Матвеевна, да и та теперь по известным вам причинам всем недоброжелательствует. Остальное вас окружающее – грязь, которая марает вас...

Любочка. Ну, отчего ж, папаша умный и сочувствует; ну, мамаша немножко... Ну, да она такая добрая, она так меня любит. А папаша вас любит очень...

Венеровский. От них-то вам и надо удалиться, да-с. Что они вас любят, это понятно. Всякому дурному, как бы он дурен ни был, хочется быть поближе к хорошему. А нам-то за что любить затхлое и дрянное? Вам надо подальше, подальше.

Любочка (*капризно*). Не говорите так. Не люблю, не люблю, не люблю.

Венеровский. Вы посмотрите на них просто, как на посторонних людей, не можете же вы находить их привлекательными.

Любочка. Не люблю, когда вы так говорите, не люблю! Ежели вы еще мне это скажете, я совсем разлюблю новые идеи и, как выйду за вас, так стану жить по-моему, а не по-вашему. Вот вам и будет.

Венеровский. Ну, как же по-вашему-то-с?

Любочка. Вот как: поедem в Москву, найдем дом самый хороший. Я сделаю себе одно черное бархатное платье, одно белое – пу-де-суа. Утром мы поедem кататься, потом поедem обедать к тетеньке, потом я надену черное бархатное платье и поедem в театр, в бенуар. Потом я надену другое платье и поедem на бал к крестному отцу, а потом приедem домой, и я вам все буду рассказывать и ни одной книги не буду читать. А буду вас любить. Очень буду любить и не буду давать никакой свободы. Потому что ежели я уж полюблю, так уж так полюблю, что все забуду, кроме вас. И мамаша такая была, и я на нее очень похожа. И посмотрите, как будет хорошо! Вот вы увидите.

Венеровский. Да ведь это вы только сделаете, ежели я буду говорить!

Любочка. Нет, просто сделаю. Я уж рассердилась.

Венеровский. И вы полюбите меня таким образом?

Любочка. Коли вы будете милый – полюблю. Я никого еще не любила, только одного немножко. Да это не считается.

Венеровский (*улыбается, берет ее за руку и в нерешительности, поцеловать [ли]*). Да, и так пожить... но... для этого нужно: первое – средства, второе – забыть принципы...

Любочка. Не говорите глупые слова! (*Подносит ему руку к губам и жмет его за лицо.*) Это все пустяки!

Венеровский. Миленькая... (*Хочет обнять.*)

Любочка. Не говорите: миленькая, это так нехорошо, противно... такое слово глупое.

Венеровский. Отчего же вам неприятно? ну – прелестенькая...

Любочка. Не умею растолковать... не хорошо, неловко. Миленькая!.. Гадко отчего-то. Вы не умеете ласкать. (*Улыбается.*) Ну, да я вас выучу. Неловко как-то, я не умею сказать.

Венеровский. О, как обворожительна! Вот эстетическое наслаждение!.. Что я вру... вот глупо... ну да... Так я вам нравлюсь, Любенька?

Любочка. Да. Только отчего вы ходите, точно у вас ноги больные?

Венеровский. Что я глупости говорю! (*Встает.*) Нет, Любовь Ивановна, надо на жизнь смотреть серьезнее. Проидемтесь по саду...

Любочка. Пойдемте.

Уходят и встречаются с Беклешовым.

Беклешов (*тихо Венеровскому*). Ну, брат, готово. Девуцу Дудкину так натравил на студента, что не растащишь.

Явление пятое

Входят Марья Васильевна и Иван Михайлович.

Иван Михайлович (*Беклешову*). Я рад, что Анатолий Дмитриевич вам поручил переговорить о денежных делах. Я передам вам, а вы передайте ему. Я очень понимаю Анатолия Дмитриевича. Он так высоко благороден, так деликатен, что...

Беклешов. Без сомнения. Я вам скажу, я практический человек, но понимаю в этом отношении отвращение Венеровского от этого разговора. Ведь всегда найдутся добрые люди, перетолковывающие все наизусть...

Иван Михайлович. Ну да, ну да. Мы сейчас можем этим заняться. А то придут гости. Вот извольте видеть... Любино состояние – состояние матери...

Марья Васильевна. Надеюсь, Jean, что ты ничего не решил без меня. J'espère, Jean, que vous ne déciderez rien sans moi. Я мать, и состояние мое.

Иван Михайлович (*удивленно*). Что ты? Что ты, Марья Васильевна? (*Тихо*.) Что ты, нездорова? Ведь мы уж, кажется, переговорили с тобой.

Марья Васильевна (*вдруг сердито*). Кажется, я мать, и прежде, чем решать дела с посторонними, нужно, чтоб они со мной говорили. И так говорят, что меня никто в грош не ставит. Почитают меньше чулка. Состояние мое, и я ничего не дам, пока не захочу. Захочу, так дам. Кажется, прежде меня надо спросить. И приличия того требуют. Хоть у них спроси. Rien que les convenances l'exigent, – demandez à monsieur.

Иван Михайлович. Вот не ожидал! Да что с тобой? Опомнись, приди в себя. Подумай, что ты говоришь при чужих людях.

Марья Васильевна. Ты не знаешь, может быть, что говоришь, а я очень знаю. Все говорят, что жених человек неизвестный.

Иван Михайлович. Неизвестный человек! Пожалуйста, не говори глупостей!

Беклешов. Все это довольно странно, ежели не сказать больше.

Марья Васильевна. Нет, довольно я терпела. Все говорят, что я последнее лицо в доме. Я всю свадьбу расстрою!

Иван Михайлович. Да что ты? Отчего? Что тебе надо?

Марья Васильевна. А то, что я его не знаю. Я ничего дурного не говорю. Je n'ai pas de dent contre lui,⁹ а только не хочу до свадьбы ничего давать из состояния. Волоколамское мое. После свадьбы, ежели он будет почтительный зять, я посмотрю и дам, а то всякий писатель будет...

Иван Михайлович (*строго берет ее за руку*) Будет. Пойдем, там переговорим.

Марья Васильевна (*робея*). Я ничего, Jean, некуда мне идти, laissez moi en repos, au nom du ciel.

Иван Михайлович (*Беклешову*). Ну, вот видите, это странный каприз, но вы понимаете, что это не имеет никакого значения. И я бы вас просил умолчать об этом перед Анатолием Дмитриевичем.

Беклешов (*глубокомысленно*). Я очень хорошо понимаю, боюсь, что слишком хорошо понимаю.

Явление шестое

Входят гость и гостья, вслед за ними Любочка и Венеровский.

Гость. Мы только узнали. Вот неожиданно-то, душевно поздравляю.

Гостья. Вот радость-то вам, Марья Васильевна.

Иван Михайлович. Очень, очень благодарен.

Марья Васильевна. Да, так неожиданно. Вот и жених с невестой, рекомендую.

Венеровский (*мрачно смотрит на гостей и останавливается*). Да, Любовь Ивановна, надо очень любить то дело, за которое взялся, надо сильно желать вырвать вас из этого омута и спасти, для того чтобы подчиниться всей этой отвратительной и возмутительной пошлости. Посмотрите, что это? И с этими людьми надо входить в отношения!

Любочка. Ну, что вам стоит!

Иван Михайлович. Вот он. (*К Венеровскому*.) Это дядя жены, это мой двоюродный, прошу познакомиться.

Гость. Позвольте рекомендоваться, как будущему родному, душевно поздравляю. (*Протягивает руку*.)

Гостья. Очень, очень рада познакомиться, так много о вас слышала. Люба, поздравляю!

Венеровский кланяется, кладет руки за спину, отворачивается и отходит к Беклешову.

Гость. Однако невежа!

Гостья. Какое странное обращение с родными!

Венеровский (*Беклешову*). Тоже лезут с рукопожатиями! Их надо осаживать... Они это очень

⁹ Я ничего не имею против него (*франц.*).

понимают. *(Говорят тихо.)*

Иван Михайлович. Милости просим в гостиную, да и обедать пора; вот благословим жениха с невестой.

Гость. Ну что, нашли управляющего, Иван Михайлович?

Иван Михайлович. И не говорите, так мучаюсь...

Любочка, Марья Васильевна, Иван Михайлович и гости уходят в дом.

Явление седьмое

Беклешов и Венеровский.

Беклешов. С девицей Дудкиной уладилось дело великолепно, – немного подкадил ей и студенту, открылся за него в любви и сцепил так, что не растащишь. Эту затравил. А насчет денежных отношений скверно дело совсем. Родительница хочет тебя держать на уздечке и высматривать почтительность зятя. Манера известная! Ну, да и родитель хорош, могу сказать...

Венеровский. Родитель подличает. За одно это и можно прощать ему многое.

Беклешов. Хорошо бы, коли бы абсолютно подличал, а на мой практический взгляд, вся эта сцена опять подыграна, и родительница только напоказ дура. Это тот партнер, которого никто не видит и который жесток и во всем мешает доброму партнеру. Ну, да мы и не таких травили.

Венеровский. Однако неприятно, сейчас должно проделать дурацкие церемонии, тогда как дело так неопределительно.

Беклешов. Что ж, разве эти церемонии к чему-нибудь обязывают? Идеалист, я говорю! Ты все думаешь, как бы тебе не поступить дурно. Выкинь, братец, из головы; для них нет ни честного, ни бесчестного. Иначе всегда будешь в дураках с этим народом. Смотри на вещи просто. Ежели бы тебе нужно было спасти друга из вертепа разбойников, разве ты бы стал бояться обмануть разбойников? Ну, то же отношение для них. Дело все в самом факте бракосочетания, и ежели не раньше, то в сей достопамятный день старец сей будет затравлен твоим покорнейшим слугою. И тебе заботиться не о чем. Все будет произведено в лучшем виде. Вот тебе мое слово. Ну, пойдем же.

Уходят в дом.

Явление восьмое

Те же и Любочка.

Любочка *(выходит)*. Пойдемте ж, Анатолий Дмитриевич, нас благословлять будут. *(Весело.)* Что вы тут стоите? Я тоже смотрю, что это пустяки, да нельзя же.

Венеровский. Мне самому на себя смешно и гадко будет, да, хе-хе! Любовь Ивановна, противна мне эта комедия. Вы знаете мои убеждения.

Любочка. Ну, ну, ну, не рассуждать!

Уходят в дом Беклешов, Венеровский и Любовь Ивановна. Теперь мой месяц *(в двери к студенту и Петруше.)* Петя, иди, скорее, мамаша велела. Очень нужно.

Явление девятое

Те же, выходят студент и Петруша, жуя. За ними Катерина Матвеевна.

Петруша. Ну, зачем?

Любочка. Иди, пожалуйста, узнаешь. *(К Венеровскому.)* Ну, ну, Анатолий Дмитриевич, не рассуждать. Идите.

Все уходят в дом. Входят студент и Катерина Матвеевна. К окну бегут дворовые.

Явление десятое

Студент и Катерина Матвеевна.

Студент. Что это [за] суетня? Или скандалец какой совершается?

Катерина Матвеевна. Проповедник свободы женщин женится на девчонке, да, на ничтожной и неразвитой девчонке. Вот вам слабость основ-то сказалась.

Студент. Это сюрпризец, однако-с.

Катерина Матвеевна *(смотрит в окно)*. Посмотрите, посмотрите, благословляют и на коленки становятся. Мне это слишком гадко видеть, слишком унижительно для достоинства человека.

Студент *(смотрит)*. Синьор дрянный, я вам высказывал это мнение, а вы не разделяли.

Катерина Матвеевна. Нет, послушайте, это отвратительно, не так ли?

Студент. Да-с. Вот что значит полуразвитие! Акцизный либералишка!

Катерина Матвеевна *(смотрит)*. Целуются, – какие животные отношения! Да, глядя на такое унижение, легко утратить веру в прогресс. Вот вам урок, Алексей Павлович. Но я выше этого! Да, Алексей Павлович, вы еще одна честная и чистая личность из всего этого сброда. Я уважаю вас.

Студент. Да, кабы побольше таких женщин, как вы! Однако учинили-таки торжество почтенное-с!

Занавес опускается

Конец второй сцены второго действия

Действие третье

Сцена первая

Действующие лица

Иван Михайлович.

Марья Васильевна.

Люба.

Петруша.

Няня.

Катерина Матвеевна.

Твердынский.

Николаев, родственник Прибышевых, предводитель дворянства.

Шафер.

1-я, 2-я и 3-я барышни.

Горничная.

Лакей.

Квартира Прибышева в губернском городе. Накрывают парадный ужин.

Явление первое

Иван Михайлович, Марья Васильевна, няня и толстый помещик – предводитель, с усами, родственник Николаев.

Иван Михайлович. Что, одевается невеста? То-то. Пора, пора. Седьмой час.

Николаев. Нет, брат Иван, коли бы я тебя не любил с детства, я бы ни за что не согласился быть на этой свадьбе. Только для тебя. Не люблю я этого барина. И что за манера? Два раза ждали, издали – носу не показал. Что это? Жених – и не приехал с родными невесты познакомиться! Что он, пренебрегает нами, что ль?

Иван Михайлович. Ах, какой ты! Ну, да как же ты хочешь? Ведь у него родных нет, некому научить, да и опять хлопоты... Ведь не шутка – всем обзавестись надо, все устроить, – не успел как-нибудь. Ты ведь всегда обижаешься. Ты хороший человек, но ты мнителен.

Николаев. Нет, брат, не извиняй... Добро бы раз, а то вчера обедать ждали, ждали до шести часов... Так говорил бы, что я, мол, такой важный барин, что с вами знакомиться не хочу, так бы и знали, сели бы за стол в четыре; по крайней мере не ели бы подогретое... Нет, я, брат, ждать никого не люблю.

Иван Михайлович. Ну, вот ты все так объясняешь. Ничего он доказывать не хотел... Он замечательный человек: умный, образованный... Вот ты его узнаешь – другое заговоришь. И я так-то говорил, пока его не знал. Просто, там задержало что-нибудь... Ну, да и надо принять, братец, в соображение, что теперь другой век, не так как в наше время... Другие условия, обряды многие уж устарели.

Николаев. Вот попомни ты мое слово, что будет у вас нынче же какая-нибудь неприятность... Ну, что ты толкуешь! А нынче к блинам? То же самое: ждали до трех – не приехал же; опять кислые блины ели. Попомни мое слово. Уж я думаю, брат (*отводит в сторону*), ты насчет приданого что-нибудь не обидел ли его? Ты скажи мне всю правду. Дал ты что? или нет еще?

Иван Михайлович. Да что, братец, я тебе по правде скажу, он ничего у меня не просил. Сначала я ему начал было – он отказался. Другой раз – то же: мне, говорит, ничего не нужно... Ну, а потом моя старуха заломалась... Я и решил подождать. Думаю: он знает, что у меня дочь одна, я ей назначил Волоколамское имение; посмотрю, каков будет к ней; так и дам, в день ли свадьбы, или завтра. Насчет приданого – уж это все отлично, могу сказать.

Николаев. Это, брат, что – тряпки! Нынешние-то молодчики на деньги еще хуже нас падки, особенно чистоганчик любят. Это нехорошо. Посмотри ж, что он отмочит какую-нибудь штуку!

Иван Михайлович. Ну, вот пустяки! Нет, брат, а какой я вас мадерой двадцатилетней угощу, так мое почтение!

Николаев. Да постой, ты Расскажи, как будет обряд. Все по порядку? Ну, вот мы повезем невесту к венцу – потом что?

Иван Михайлович. Потом поедете вы к нему. Отец с матерью, как водится, не поедут. У него, должно быть, чай будет... так, знаешь, конфеты там, фрукты для барышень, ну, бульончик в чашечках, рыба, что-нибудь на холостую ногу... Разумеется, шампанского там выпьете... Потом ко мне ужинать и провожать (от меня уедут). Поужинаем, выпьем за здоровье молодых. (Уж какая мадера! венгерское! еще отец из кампании привез – сорок пять лет!)... Подвезут карету... уложат приданое... благословим, и поедут с богом за границу.

Николаев. Вот дурацкая выдумка, а еще английская! То англичане умно выдумывают, а это – совсем глупо. Ну, как после венца уезжать! Ну, добро, у вас все-таки богато: и карета, и девушка, и все, а каково небогатым? в повозочке-то, да без девки? Да и то: нет, дать опомниться молодой, а тут ей ты: пошел! трясись! – глупо!

Иван Михайлович. Что делать, брат! По-новому... А во многом тоже хорошо.

Входит лакей с плетушкой серебра и посудой. Что? Это я посылал к жениху с посудой, с серебром... У холостого, знаешь, может быть, нет чего... (*К лакею.*) Ну, что?

Лакей. Сказали, ничего не надо.

Иван Михайлович. Кто сказал?

Лакей. Сами вышли и говорят: не надо, неси назад.

Иван Михайлович. Ну, вот видишь – у него все есть. Всем ведь надо запастись. Как тут не хлопотаться молодому человеку?

Проходит девушка. Ну что, скоро ли невеста?

Девушка. Головку убирают. (*Проходит.*)

Лакей (*входит с запиской*). От жениха к барышне.

Иван Михайлович. Что такое? Косынка плюсовая. (*Читает.*) «Милейшая, прелестнейшая! Чтобы вы не простудили свое драгоценное горлышко, посылаю вам косыночку и прошу надеть ее». Что-то странно.

Николаев. Ну, что он, подарил что-нибудь? Ну, там, брильянты, шаль, знаешь, как водится?..

Иван Михайлович. Ну, кто теперь дарит! Да и что дарить? Дорог не подарок – дорога любовь. Подарил ножницы, кажется...

Николаев. Ну, вот наплюй ты мне в рожу, коли не выйдет какая-нибудь гадость. Какая же тут мода? Ведь не каждый день женятся? Тебе не весело, так девочку повесели... Ведь ей это какая радость! А то – в двугривенный ножницы прислал... Что такое? ничего смыслу нету... Пойти к дамам... Да вот и шафер.

Входит шафер.

Явление второе

Те же и шафер.

Иван Михайлович. Ну, что жених? скоро? Мы готовы. Любочка, ты скоро?

Голос Любочки: «Сейчас!»

Шафер. Он в сюртуке...

Иван Михайлович. Как? это что такое? Надо сказать, что Любочка в белом свадебном. Поезжайте скорее, скажите!..

Николаев. Я говорил: будет скандал...

Шафер уходит.

Явление третье

Входят Марья Васильевна, няня, Любочка и барышни, Петя.

Любочка. Что? я хороша, папа?

1-я барышня. Как тебе идет fleur d'orange! Ты мне дай, пожалуйста, от гирлянды...

Любочка. Всем дам.

2-я барышня. Что ж, косынку жениху наденешь?

3-я барышня. Как же можно! цветное к свадебному!

1-я барышня. Да что ж, коли он сам в сюртуке?

2-я барышня. Не может быть!

Любочка. Я попробую. Он просил – надо надеть. (*Вертится перед зеркалом.*) Нет, нельзя! Ну, я в карман положу.

Шафер. Поедемте... Благословляйте...

Николаев (*благословляет и целует в лоб*). Ну, дай бог!.. Как хороша!

Любочка целуется со всеми; женщины плачут.

Явление четвертое

Студент и Катерина Матвеевна входят и молча стоят.

Марья Васильевна. Только чтоб он не опоздал к обеду.

Иван Михайлович. Ну, дай бог тебе!.. Полно, няня, глупо...

Няня (*плачет*). Не видать мне тебя больше, мою кралечку!

Любочка (*своему шаферу*). Вы, пожалуйста, на голову не кладите. Петруша, а ты ему надень.

Марья Васильевна. Смотри, первая ступи на ковер. Свечи взяли ли? Няня, на вот деньги, под ноги брось...

Няня. Уж все сделаю!..

Николаев. По всему вижу, что скандал будет...

Иван Михайлович. Ну, слава богу... Теперь надо приготовить все... Ведь не прощаемся еще?..

Все по одному вышли, кроме студента и Катерины Матвеевны.

Явление пятое

Катерина Матвеевна и студент.

Катерина Матвеевна. Да. Много еще есть субъектов в сознании которых новые воззрения еще, так сказать, только намечены, а не проникли еще в плоть и кровь. Да, я жестоко ошиблась в этом господине.

Студент. А вы не верьте лжи – и не будете ввержены в обман, как говорил у нас профессор психологии. Дрянь натурка, вот в чем сила-с.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! Но как вы объясняете себе это явление? Всякому мыслящему человеку должно быть известно, что влечение к миловидности есть только низшее проявление человеческой природы. Как может такая личность, как этот господин, не видеть всю гнусность этого увлечения, всю высоту своего падения! Как не понимать, что, раз вступив в эту среду и подчинившись всем этим суеверным и мертвящим условиям, возврата нет. А он понимает свободу женщины. Я имею данные...

Студент. По задаткам натуры – ничтожный синьор, вот и все. Я, как взглянул на эту личность, убедился, что в нем все фальшь. Как хотите – индивидуум, служащий по акцизному правлению, имеющий и лошадку, и квартиру, и две тысячи жалованья, – уж никак не новый человек. А новый синьор, вот и все. Как же! Он при мне раз сказал, что студенты – ребята!.. Вот понятие этих господ!.. Дрянь-с, почтеннейшая, дрянь вся эта компания честная. Нет-с, наскучило мне все это. Надо в Москву ехать.

Катерина Матвеевна. Да, вы глубже проникли своим непосредственным чувством в его натуру. Я вспоминаю теперь, он мне сказал, что рефлексия вредна! Ничтожный господин... И как унижить себя до пошлейшего брака со всеми атрибутами ничтожества! И с кем же! с ничтожнейшей личностью...

Студент. Ну-с, девица-то была не вредная. Она бы могла развиваться еще. В ней были заложения... Да среда ее подрезала. Поеду в Москву – скучно... Послушаю лекции, буду работать.

Катерина Матвеевна. Позвольте. Ведь в Москве слушать некого. Все неразвитой народ профессора. Я бы сама поехала в Москву или Петербург позаняться физиологией... Да, я разделяю это убеждение. Кого слушать? В Петербурге нет никого.

Студент. Ну, все – товарищи хоть живые личности, не такие затхлые субъекты, как здесь.

Катерина Матвеевна. Да, вы счастливее... А нам, женщинам, как устроить свою жизнь? Я сама думала ехать в университет, но ежели бы знать положительно те новые условия, в которые встанешь? а то трудно нам, людям передовым, найти путь в жизни, на котором бы не давили нас ретроградство, застой и закоснелость. Здесь я не могу более оставаться. Я чувствую, что все те честные и либеральные заложения моей натуры, которые составляют мою силу, глохнут здесь, и я – страшно сказать! – я скоро стану не похожа, а близка всем этим принципам... Что делать! Алексей Павлович! Вы широкая, свежая и неиспорченная натура, вы яснее видите. Спасите меня! Спасите погибающую свободную – может быть, единственную вполне свободную женщину. Да, я чувствую, что гибну, гаснет этот свет свободы от суеверия, с которым я жила. Этот человек нанес мне страшный удар! Он поколебал во мне веру в прогресс. Спасите меня, Алексей Павлович, вы чистый человек, вполне человек!..

Студент (*тронутый*). Какая вы честная личность!..

Катерина Матвеевна. Нет, позвольте! Я гибну, и они все будут торжествовать! Они все скажут: вот она хотела быть свободной, – и она такая же, как мы все. Им радость будет... Научите меня, что делать?.. Я глубоко уважаю вас одних изо всей толпы, окружающей меня!..

Студент (*жмет ей руку*). Я могу сказать, что не знал вас до сей минуты. Мне казалось – я буду откровенен вполне, – что вы не до корня проникнуты нашими убеждениями. Я теперь только вполне вижу всю высоту и искренность ваших воззрений.

Катерина Матвеевна (*жмет руку до боли*). Да, я много передумала и пережила. Для меня нет возврата, я ненавижу отсталость, я вся принадлежу новым идеям. Нет ничего, что бы могло остановить

меня, и я уважаю вас, глубоко уважаю. Научите меня, куда бежать, где мне будет легче дышать. Здесь душит меня все окружающее. Я послушаю одного вашего совета. Я жду.

Студент (*задумывается*). Да, я знаю кружок людей, в котором бы вы могли занять то место в жизни, к которому вы призваны. Да. Но я боюсь, что все-таки вы увлекаетесь, что вы побоитесь...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, чем вы это докажете?

Студент. Вот видите ли. Для меня самого жизнь в Москве наскучила: бедность, отсутствие труда, постоянно вознаграждаемого... По аудиториям шляться прискучило, слушать болтовню профессоров (все пустые башки)... Упитанных барчонок учить – еще глупее. У меня в виду была другая жизнь. В Петербурге, изволите ли видеть, есть кружок людей, которые затеяли некоторое хорошее дело. Они устроили коммуны. Вот к этим людям и я хотел присоединиться...

Катерина Матвеевна (*хватая его за руку*), Алексей Павлович, высказывайтесь! Я чувствую, что эта коммуна составлена именно из тех личностей, которых я ищу... Алексей Павлович, я дрожу от волнения... Спасите меня!

Студент. Вот изволите видеть: живут в Петербурге эти господа. Один из них мне приятель. Он из семинарии (как всем известно, что в наше время быть из семинарии почти чин, так как лучшие головы и таланты все из семинарии). Он известен даже в литературном мире своей критикой на повесть «Чижи». Вы читали, может быть? Замечательная статья: «Чижа не унижай». Он тут проводит мысль о прогрессе идей в наших семинариях.

Катерина Матвеевна. Замечательная. Я читала. Великолепная, великолепная статья.

Явление шестое

Петруша входит и слушает незамеченный.

Студент. Ну-с, вот этот господин пишет мне, что они в Петербурге устроили коммуны. Их трое было сначала: один медик, один «так» и студент. Весьма важное предприятие. Дело в том, что они соединились для общей жизни. Квартира, стол, доходы и расходы – у них все общее. Они занимают порядочную квартирку, две женщины живут вместе с ними. Каждый работает по своему выбору, у каждого своя комната и потом общая комната. Женщины, живущие с ними, не связаны никакими обязательствами. Они свободны, работают... кто хозяйством мужчин... кто литературными трудами... Супружества не существует, а совершенно свободные отношения. Началось с малого, а теперь у них уже, мне говорили, до восемнадцати членов коммуны и все прибавляется. Вы понимаете, какое это должно иметь громадное значение. Кроме того, товарищ писал мне, что были маленькие неудовольствия, которые, однако, были устранены, но что дух этой коммуны невообразимый. Члены ее, пишет, становятся совсем другими людьми, как только поступают в нее.

Катерина Матвеевна. И женщина свободна?

Студент. Вполне. Одна опасность угрожает от правительства, потому что понятно, какое громадное значение должно иметь такое учреждение. Так вот какое дело затеялось, и вот как я бы мог жить вместо того, чтоб обучать откормленного барчонок. Были бы только маленькие средства. Так вот-с. Про это дело я никогда никому не говорил, потому что слишком задушевное дело. Но теперь сказал вам, потому что вижу, что у вас не увлеченье, а убежденье сильное...

Катерина Матвеевна (*ударяя себе по голове, с азартом*). Это великолепно! Коммуна – это великая идея. Это удивительно! Да, я вижу зарю истинного прогресса в России. Да, Твердынский, я – ваша!

Студент. Вот как видна честная натура! Но подумайте – оно, несомненно, дело весьма хорошее, но...

Катерина Матвеевна. Я – член коммуны. Пишите вашему другу, что два члена, вы и я, вступаем в коммуны. Я же беру те деньги, которые у меня есть, еду с вами в Петербург и пишу Ивану Михайловичу, чтоб он продал мою землю и прислал деньги в коммуны. Я буду работать над своим сочинением о значении женского умственного труда. Твердынский, я один раз уже жестоко обманулась! Вы не измените нашим основаниям!

Студент. Я бы не уважал себя, если б я мог изменить; мы едем, и чем скорее, тем лучше.

Катерина Матвеевна. Прощайте, я иду писать письмо Ивану Михайловичу. Я не хочу его видеть, я письменно выражу ему все.

Студент. Есть еще одно скверное обстоятельство, я взял тридцать рублей денег вперед.

Катерина Матвеевна. У меня нет тридцати рублей, но я напишу, что предоставляю ему вычестить их из продажи моих земель.

Студент. Без сомнения, дело, которое мы затеваем, так важно, что эти соображения могут быть отстранены. Наша цель оправдывает средства.

Петруша (*появляясь*). Позвольте вам сказать: я не упитанный барчонок, а человек, постигающий свое призвание так же, как и вы. Вы очень напрасно так думаете.

Студент. Я говорил вообще, не относя ничего к вам.

Петруша. И неблагородно, даже скверно! А я пришел сказать вам, что я сам не хочу оставаться в этом доме. Я вдумался в свое положение и убедился, что семья есть главная преграда для развития индивидуальности; отец посылает меня опять в гимназию, а я убедился, что стал выше всех преподавателей по своему развитию. Я сейчас читал Бокля. Он это самое говорит. Я поеду в Москву.

Студент. Вы учините скандал, больше ничего. Вас не пустят.

Петруша. Я не ребенок уже. Я говорил с отцом. Он требует, чтоб я оставался в гимназии, а я не хочу и поеду один в Москву.

Студент. Петр Иванович, вы произведете только велью путаницу и более никакого... вас нельзя взять.

Петруша. Я слышал ваш разговор. Я хочу ехать с вами в коммуны и буду заниматься естественными науками. Мне невыносим гнет отцовской власти.

Студент. Вы несознательно говорите. Еще вы слишком молоды.

Катерина Матвеевна. Твердынский, вы забываете свое призвание. Мы не имеем права подавлять молодое чувство, просящее свободы и размаха. Петр Прибышев, я предложу вас в члены коммуны.

Петруша. Катерина, я уважаю тебя. Когда вы едете? Нынче? Так я соберу свои вещи. Я заеду только к Венеровскому: я желаю видеть всю эту гнусную церемонию, чтоб сильнее негодовать.

Студент (*Катерине Матвеевне тихо*). Напрасно вы присовокупили его. Он мальчишка.

Катерина Матвеевна. Твердынский, все люди равны, все люди свободны. Пойдемте, надо собираться и писать письма. Петр Иванович, изложи отцу свои убеждения.

Петруша. Я уже обдумываю содержание... Семья преграда... (*Уходят.*)

Занавес

Сцена вторая

Действующие лица

Венеровский.

Любовь Ивановна.

Беклешов.

Петруша.

Николаевы, муж и жена.

Родственник Венеровского.

Шафер.

Гимназист.

1-ый, 2-ой, 3-й и 4-ый гости.

Плохая холостая квартира жениха. Никаких приготовлений. Раскиданы бумаги. Чемоданы.

Явление первое

Беклешов, родственник жениха – чиновник с крестом, старичок, и лакей укладываются.

Родственник. Как же это так, Сергей Петрович? Так и уедут без ничего? Это что-то не по порядку.

Беклешов. Так и уедут-с. Так надобно. Вот приедут сейчас из церкви, наденут шинель, да и поедут. А я вам говорил, что Анатолий Дмитриевич вовсе не рад будет вам, вот и увидите. Ведь ежели бы церемонная свадьба была, ну тогда так, а то как можно тише все хотят сделать.

Родственник. Да что ж, ведь я, пожалуй, уйду. Да соображаю, что я уронить племянника не могу, хоть бы в глазах невестинной родни. Ну, ежели бы братец его Никита – безобразный человек, или бы хоть и мой сватушка; ну, а я все-таки коллежский советник и все ж известен. Я его не уроню.

Беклешов. Да не в том дело, батюшка. Не купеческая это свадьба, и уж на то так придумано, что из-под венца в экипаж, и едут за границу. (*К лакею.*) Что, заложены, что ль? Да смотри ключ в передок положи. А сало? Вот не подумай за них! Да вот чемодан бери. (*К родственнику.*) Ах, вы! только мешаетесь тут!.. и к чему белый галстук надели, крест!.. все это смешно. Видите: я в сюртуке, и жених в сюртуке.

Родственник. Уйду, уйду. Скажите только, – что ж, много ли взял Толя-то?

Беклешов. Какой Толя тут?! Человеку тридцать пять лет. Ничего не взял. Обманули его.

Родственник. Нет, вы шутите, может? Ведь у вас родство не считается, а мы, старые люди, все думали... Вы мне правду скажите... Как же так, ничего? ведь Иван Михайлыч не бедный человек.

Беклешов (*останавливается против него, в сторону*). Пускай разболтает по городу. (*Громко.*) А вот как обманули. Посватался он два месяца, ему стали говорить про приданое, он поделкатничал, сказал, что ничего не надо... Уж эти идеалисты!

Родственник. Глупость-то какая!

Беклешов. Ну-с, вот мы и ждали с часу на час, давали чувствовать. Ничего. Он совестится; говорит: я свою репутацию потеряю, она мне дороже приданого... Я хотел объясниться прямо, он говорит: погоди, погоди, – а этот дурак, должно быть, и в самом деле подумал, что в новом веке денег не нужно, – ничего и не дал до сих пор. Вот и доделикатничались!.. Иван Михайлович, хорошо!.. Ну, да погоди ж только...

Явление второе

Входят молодые и гости. Поздравления. Невеста садится. Венеровский отходит.

Венеровский. Ну что, готово все? *(К родственнику.)* И чего вы пристаёте с своими поздравлениями, ей-богу! Ведь вас не просили.

Родственник. Что ж, Толя, я от души. *(Тихо.)* Вот только слышал, что не совсем благополучно насчет приданого.

Венеровский. Что вы слышали? Какой вздор? Я и брал без приданого. *(Отходит.)* Черт их возьми, еще эта дурацкая компания...

Явление третье

Входит Петруша.

Петруша. Анатолий Дмитриевич, вы мне брат, но я считаю вас просто человеком...

Венеровский. Сделайте милость, оставьте эти глупости. Что вам?

Петруша. Отец сказал, чтоб вы ехали скорее ужинать; он благословить вас хочет перед отъездом... Надеюсь, вы не поедете? Все это глупо. Я не разделяю. Я сам оставляю дом отца.

Венеровский. Хорошо. *(Отходит с Беклешовым к стороне.)*

Беклешов. Ну что, брат? Я говорил. Вот вы, идеалисты, нашего брата, практика, не слушаете. Ну что? Жена есть, а денег нет.

Венеровский. Свињи!

Беклешов. Еще партия не проиграна. Я поеду объяснюсь. Можешь выбирать теперь два пути: или ехать к нему и увиваться, ластиться, ждать, – или ехать и прижать ее. Вот выбирай.

Венеровский. Ты, ей-богу, принимаешь меня бог знает за кого. Ни того, ни другого. Я поеду, скорей только. Что, ты все устроил?

Беклешов. Все. Веревки, сало... обо всем мы подумали... Что ж в тарантасе и поедешь? А ты хотел карету...

Венеровский. Где мне карету! мы бедные люди; кого же нам удивлять, только бы «бедно, да честно».

[1-й гость] *(в толпе.)* Что это молодой-то как не в духе?

2-ой гость. Однако что ж это? Надо поздравить.

3-ий гость. Да, поди-ка – сунься, как оборвет...

4-ый гость. Я пойду, спрошу у него шампанского.

Венеровский закуривает папироску и ходит.

Николаев. Хорошо, очень хорошо! *(Подходит к невесте, берет за голову.)* Ну, еще раз поздравляю тебя. Поеду к твоему отцу... Вы приезжайте... *(В сторону.)* Вот жалкая бабочка!..

Любочка. Погодите! Толя, что ж мы поедем к папаше?

Венеровский. Пожалуйста, не называйте меня Толей – это глупо как-то.

Любочка. Что ты не в духе как будто? И мне что-то скучно... Я совсем не того ожидала.

Венеровский *(притворно улыбаясь).* Нет, ничего. *(Садится к ней.)* Только хлопот много: собираться надо сейчас, а эти глупые гости... чего им надо?

Любочка. Ну, как ты хочешь, Anatole? Ведь все родные, друзья только самые близкие, и то мы столько обидели! Так что ж, поедем к папа? А оттуда уж прямо... Как подумаю, через двенадцать дней уж за границей... Как славно!

Венеровский. Мне невозможно ехать, и мы не поедем к ним. Я вас прошу не огорчаться. Что нам там делать? Все эти церемонии меня замучили. Как я мог еще перенести все это? Тоска!

Любочка. А я!

Венеровский. Ну, еще бы!

Шафер *(подходит).* Анатолий Дмитриевич, гости желают поздравить.

Венеровский. Пускай поздравляют, мне что?

Шафер. Да ведь шампанского надо.

Венеровский. Беклешов, дай им вина, – есть? Да, вот оно. *(Берет бутылку, ставит на стол.)* Пейте, кто хочет. Люба, переодевайтесь, нам пора.

Любочка. Ну хорошо. Где же? Дуняши моей тут нет.

Венеровский. Зачем вам? я вам помогу, а то – кухарка тут есть. Пожалуйста, поскорее!

Любочка уходит.

Шафер. За здоровье молодых!

Венеровский. Пейте за чье хотите, только поскорее.

Гимназист (*пьет*). За здоровье свободы женщины!..

Венеровский. Пора ехать!

Гимназист. Еще за здоровье науки и свободы! Где же молодая?

Гости разъезжаются понемногу. Прощайте, господа, я еду! За здоровье молодых!

Венеровский надевает пальто и шляпу.

Любочка (*выходит*). Прощайте, господа! Кланяйтесь папаше. Прощайте!

Петруша. Мы увидимся... Я хочу свободы. Вот удивятся-то!

Николаев. Я говорил, будет вздор! Свинья! думает, что новое... Свинья!

Гимназист. Я выпью на дорогу. Сколько мыслей.

Занавес

Действие четвертое

Действующие лица

Иван Михайлович.

Марья Васильевна.

Николаевы.

Мировой посредник.

Шафер.

Гости обоего пола, **лакеи, музыканты.**

Комната в доме Прибышева первой сцены. Гости сидят группами. Марья Васильевна наряженная, Иван Михайлович ходит с посредником.

Явление первое

Марья Васильевна. Что это как долго? (*Смотрит на часы.*) Пора бы!

Гость. Верно, задержались. Выпьем за их здоровье! (*Пьет.*) Ваше дело как?

Посредник. Так вы, Иван Михайлович, решаетесь насчет выкупа, значит, окончательно?

Иван Михайлович. Совсем отдаю Грецовскую пустошь даром и от дополнительного платежа отказываюсь. Ну-с, я думаю, согласятся.

Посредник. Как не согласиться, Иван Михайлович. Это моя бы вина была, если бы они отказались. Это ведь не только в участке, а, я думаю, в губернии у нас примера нет такой щедрости...

Подходит гость.

Гость. Вы и в такой день все об делах?

Посредник. Нельзя-с. Об чем ни заговори, а сойдет на временнообязанных. Вот-с вам пример, как дела делают. Иван Михайлович даром отдает мужикам семнадцать десятин и прощает платеж.

Гость. Да-с!

Иван Михайлович. Что ж делать? надо кончать!..

Посредник. Вот время-то что делает! Как вспомнишь, что вы сначала-то говорили, Иван Михайлович! Мы было с вами поссорились тогда, помните? из-за этой старухи, что жаловаться-то приходила...

Иван Михайлович. Нельзя. Внове было, ну и погорячишься. Однако что же это они не едут? одиннадцатый час.

Посредник. И как мужики вас хвалят! Так и колют глаза другим помещикам Прибышевским баринном.

Иван Михайлович. Да, это награда по крайней мере.

Посредник. И, поверьте, выгоднее вам будет, Иван Михайлович.

Иван Михайлович. Ну, выгоднее-то – не выгоднее, а все надо идти за веком.

Марья Васильевна. Он все говорит, что выгодное. Говорил, что от грамоты лучше стало, а сам потом сердится, что мужики не работают. Что же вы скажете: лучше стало от грамоты?

Иван Михайлович. Разумеется, лучше. (*Подходит к дамам.*) Об чем это вы говорите?

Марья Васильевна. Да вот вспоминали, как кто замуж выходил. Я рассказывала, как я тебя боялась, помнишь? Как ты брильянтовое кольцо привез. Я брать не хотела. И потом на бале: он со мной мазурку танцевал, и я все не знала, кого мне выбирать... Как молодо-глупо было! А весело... Матушка любила это пышно делать. У нас вся Москва на свадьбе была... Весь вход красным сукном был устлан и

цветы в два ряда.

2-ая гостья. Да, совсем не то было в старину.

Марья Васильевна. Что вот у нас? – мещанская свадьба. Разве так отдавали бы одну дочь!

Посредник. Нет, что ж, у вас очень – не то, чтоб парадно, а *comme il faut*.¹⁰ Ведь уж так делается нынче: от венца, да в карету. Я нахожу, что очень хорошо.

Марья Васильевна. Однако долго нет.

Иван Михайлович. И я думаю, пора бы. Ну-с, господа! прошу пить моего вина. Уж отвечаю, что такого не пили.

Марья Васильевна. Jean, ты мне растолкуй, как же их встретить? Где и кто будет? Я ведь забыла уже все.

2-ая гостья. Как приедут, Марья Васильевна, посаженный отец и мать должны ввести, а тут их встречают с хлебом-солью. Сначала вы...

1-ый гость. Нет! по порядку: шафер объявляет, а тут входят посаженные, и потом уже отец и мать...

Иван Михайлович. Сколько этих обрядов!

Посредник. А я люблю эту старину. Так хорошо, по-русски.

Марья Васильевна. Ты, Jean, их уж, пожалуйста, долго не держи за столом. Мне бы с Любой хоть поговорить еще наедине.

1-ая гостья. И радость-то, и хлопоты, и все это вместе... Да-с, памятное время...

Иван Михайлович. Стойте! кто-то подъехал. Уж не они ли? Ну, вставай, Марья Васильевна, бери хлеб-соль. Вот эту.

2-ая гост[ья]. Золотых положите в солонку – богато жить.

Марья Васильевна. Иван Михайлович, дай мне золотых.

Иван Михайлович. Сейчас! Я положил уже.

Из дверей высовываются горничные и няня; музыканты выстраиваются. Смотрите: туш, как войдут (*лакеям*), а ты с шампанским, да чтоб подавать сейчас же рыбу и... идут! (*Берет хлеб, оправляется и выходит на середину.*)

1-ая гостья. Однако какая это торжественная минута!

2-ая гостья. Для отца-то, для матери каково!

Иван Михайлович (*целует, прослезившись, Марью Васильевну*). Ну, милая, поздравляю. Дожили-таки мы с тобой до радости.

Марья Васильевна. Ах, Jean, как мне и страшно, и радость, и я сама не знаю... ты мне скажи когда, а то я спутаюсь... Идут!.. Здесь мне стоять?

Слышны шаги, родители становятся в позу, родные тут же.

Явление второе

Входит Николаев.

Иван Михайлович. Что ж вы не с посаженной? (*Дает знак музыкантам.*)

Николаев (*растрепанный*). Шш... болваны (*на музыкантов*). Нет, такого свинства я в жизнь свою не видал! (*Бросает шляпу оземь.*) Я тебе говорил, старому дураку! Нет, брат, я над собой смеяться никому не позволю. Я тебе не брат, не друг и знать тебя не хочу. Вот что! (*К жене.*) Софья Андреевна, поедем.

Иван Михайлович. Что он? Что с ним?

Марья Васильевна. Молодые-то где? Jean, я спутаюсь.

Николаев. Да, ступай, целуйся с ним, догоняй!..

Иван Михайлович. Да что ж это наконец? Не мучай: что с тобой? за что?..

Николаев. Уехали – вот что! Всем в рожу наплевали и уехали. (*Садится в кресло, гости окружают его.*)

Няня. Что ж это, без благословения?

1-ый гость. Не может быть!

2-ой гость. Это неслыханно.

Марья Васильевна. Ах! (*Падает в кресло, няня бросается к ней.*)

Иван Михайлович (*все еще с хлебом*). Николаев, этим шутить нельзя... Где она? Я тебе говорю. (*К лакею.*) Где молодые? У тебя спрашиваю.

Лакей. Изволили уехать.

Иван Михайлович. Что вы все взбесились, что ль? Ты сам видел?

Лакей. Как же. Мы с Федором в повозку сажали.

¹⁰ как следует (*франц.*).

Иван Михайлович. В повозку? в какую повозку? Я тебя до смерти убью, каналья! *(Подступает к нему, бросает хлеб, лакей бежит.)*

Марья Васильевна. Жан, что ты! Ради бога...

Иван Михайлович останавливается и задумывается.

Николаев. Да, брат, это по-новому, совсем по-новому. И жалок ты мне, и смешон! Ты делай глупости, да других в дураки не ставь. Кабы ты мне не был жалок, я б тебя бросил, и слова говорить не стал.

Гости. Да что ж было? Как это без благословенья!..

Посредник. Да как же в повозке? Не может быть...

Николаев. Я видел, что будет гадость какая-нибудь. Я так и ждал. Он уверял меня. Я поверил, поехал в церковь. В церковь невежа этот приехал в сюртуке и в синих штанах... Ну, хорошо. Я хотел везти ее, как следует по обряду... Он не дослушал молебна, подхватил, посадил ее в свою карету. Ну, думаю... Я уж вовсе не хотел ехать, Софья Андревна пристала... Поедемте, что ж, за что Любу обидеть... ведь он не знает обряда... Ну, думаю: поеду, и Любу жалко.

Иван Михайлович. Николаев, ты шутишь?.. Где они?.. ради бога, пожалей меня... ведь я отец...

Николаев. Что шутить, брат? и сам бы рад... в Лашневе небось, на станции.

Иван Михайлович. Ну, говори, говори...

Николаев. Думаю, для старого друга нельзя не сделать, а уж знал, что будет гадость... Да, думаю, что ж? меня какой-нибудь писака-мальчишка не может же оскорбить: поехал. Хорошо. Разлетелись мы с Софьей Андреевой – никого нет, один шафер... Квартира – свиной хлев чище! – веревки на полу валяются, и какой-то его друг, такой же невежа, как он, чуть не в халате, да его родня – протоколист какой-то... Что же вы думаете? Повернулся спиной, ушел, надел шляпу и поехали!

Иван Михайлович. В чем поехали?

Марья Васильевна. Как же без девушки? Дуняша здесь. О, боже мой!

Иван Михайлович. В чем поехали? Режь меня! на! пей мою кровь!..

Николаев. В повозке в рогожной. Я сам видел...

Иван Михайлович. Николаев!.. Смотри...

Николаев. Что мне смотреть? Тебе смотреть надо было, за кого дочь отдаешь...

Иван Михайлович. Петруша там был?..

1-ый гость. Что ж это?

2-ой гость. Должно быть, обидели его чем-нибудь?

3-ий гость. Нет. Говорят, все дали до свадьбы.

1-ый гость. Сумасшедший, верно. Поверьте, что сумасшедший.

2-ой гость. Одно удивительно: как она согласилась.

3-ий гость. В руки забрал.

1-ый гость. Это урок хороший Ивану Михайловичу.

2-ой гость. Все гордость.

Иван Михайлович. [*И неразобр.*] Петрушка там был? Эй, Сашка! –

Марья Васильевна. Жан, ради бога!..

Иван Михайлович. Убирайся!..

Лакей (входит). Чего изволите?

Иван Михайлович. Где Петр Иванович?

Лакей. Не могу знать...

Иван Михайлович. Я тебя выучу знать! Чтоб был мне Петр Иванович сию минуту, слышишь, разбойник? *(Вдруг озлобляется.)* Я те посмеюсь надо мной!

Лакей бежит.

2-ой лакей (входя с письмами). Петр Иванович уехали с Катериной Матвеевной и со студентом, приказали подать прямо вам.

Иван Михайлович. Что? *(Берет письма.)* Куда уехали? Когда уехали?

2-ой лакей. Не могу знать-с. Сказывали, что в Петербург.

1-ый гость. Вот удивительно-то!

2-ой гость. Да, беда одна не ходит.

Николаев. Вот тебе и новые идеи... доюродствовался.

Иван Михайлович (распечатывая письмо). Господа, мне слишком тяжело. Пожалейте меня! Я знаю, что я виноват. Скрывать нечего... Я не могу читать... Читайте хоть вы. *(Пробегает письмо и передает шаферу.)* Читайте... Постойте, эй! *(Лакею.)* Четверню серых в коляску! Да скажи Фильке-кучеру, что коли через минуту не будет подана, я у него ни одного зуба во рту не оставлю. Все выбью. Вот при народе говорю, а там суди меня бог и великий государь! Нет, прошло ваше время! Ну, читайте.

Шафер (читает письмо). «Господин Прибышев!»

Иван Михайлович. Это от кого?

Шафер. Катерины Матвеевны.

Иван Михайлович. Хорошо, и с этой дурищей разочтемся. Читайте.

Шафер (*читает*). «Хотя невызревшие социальные тенденции, проявлявшиеся рельефнее в последнее время в вашей личности, и давали нам чувствовать, что вы начинали колебать покои тупого самодовольства ультраконсервативной и скажу больше – ультраретроградной среды, в которой вы вращались, и давали нам надежды на резкий поворот ваших тенденций к новому учению. Но торжество мысли не есть еще торжество дела. Скажу просто: неизмеримая высота, отделяющая нас от вашей семьи, давала себя субъективно чувствовать с адской силой. Последние события в вашей среде выкинули наружу весь устой невежества, порчи и закоснелости, таившийся в ней. Мы были насильственно сгруппированы и потому не могли слиться. Мы все стояли особняком. Я решила вернуться в Петербург, под то знамя, которое ближе моим задушевным убеждениям, под знамя нового учения о женщине. Так как в сознании вашем был замечен поворот на честную дорогу, – я предполагаю, что вам интересно знать успехи нашей деятельности на пользу общего дела, имеющего характер вполне реалистический. Некоторые передовые личности и честные характеры делают опыт свободного сожительства мужчин и женщин на новых своеобразных основах. Учреждение это получило название коммуны. Я делаюсь членом ее».

Николаев. Ну, брат, – учреждение это давно известно и называется просто... (*Говорит на ухо.*)

Иван Михайлович. Читайте... Много еще?

Шафер. Нет, вот сейчас. (*Читает.*) «Живя в коммуне среди соответствующей мне среды, я буду принимать участие в литературных органах и усиленно проводить идеи века как теоретически, так и в конкрете. Я буду свободна и независима. Прощайте, Прибышев. Я ни в чем не упрекаю вас. Я знаю, что грязь среды должна была отразиться и на вас; о Марье Васильевне я не говорю; вы должны были быть тем, что вы есть. Но помните одно: есть светлые личности, не подчиняющиеся ударам века, и на них-то вы должны, ежели хотите не утратить достоинства человека, на эти личности вы должны взирать с умилением и уважением. Я буду искренна – я не уважаю вас, но не отвергаю абсолютно в вас человеческих тенденций. Я выше упреков!»

Иван Михайлович. Все? Погоди ж!

Шафер. Нет... *Post Scriptum*: «Прошу продать мою землю и полагаю, что не дешевле пятидесяти рублей за десятину; надеюсь на вашу честность, – и в самом скором времени прислать мне две тысячи триста рублей серебром. Из доходов же прошу прислать мне сто пятьдесят рублей с следующей почтой».

Иван Михайлович. Отлично! Забрала уж двести, а со всего имения получается сто пятьдесят. Уж проберу ж я тебя, матушка! Ну, другое: от студента, верно. Читайте.

Николаев. Она бешеная! Ее на цепь надо. А ты все учение ее хвалишь.

Шафер. «Иван Михайлович! Я у вас забрал вперед тридцать два рубля. Я их не могу отдать теперь. Но ежели вы не бесчестный господин, то не будете иметь подлость обвинять меня. Я вам пришлю деньги, как скоро собьюсь. У богатых людей всегда привычка презирать бедных. В вашем доме это производилось слишком нагло. Я еду с Катериной Матвеевной. Вы об ней думайте как хотите, а я считаю ее за высокую личность. Впрочем, мое почтение».

Иван Михайлович. Вот – коротко и ясно. Готовы ли лошади? Всю четверню задушу, а догоню и потешусь по крайней мере.

Марья Васильевна. Что ты, Иван Михайлович! Ты его пожалей! ведь бедный, один.

1-й гость. Есть чего жалеть!

Иван Михайлович. Ну-с, еще последнее... Добивайте...

Шафер (*читает*). «Отец! Я весьма много размышлял об философии нашего века. И все выходит, что людям нового века скверно жить оттого, что их угнетают ретрограды. Все уж согласны, что семейство препятствует развитию индивидуальности. Я уж приобрел очень большое развитие, а у вас ультраконсерваторство и маменька дура; ты сам это высказывал – значит, все это сознают. За что ж мне утратить широкий размах и погрязнуть в застое? В гимназии еще недоразвиты преподаватели, и я этого не выношу! В карцер сажают!.. Обломовщина уж прошла, уж начались новые начала для прогрессивных людей. Я буду следить за наукой в университете в Петербурге, ежели профессора хороши, а если дурны, то сам буду работать. И ежели ты не Кирсанов и не самодур, так пришли мне средства к жизни в Петербурге. Потому что я уж решился. А я еще убедился, что и Венеровский ретроград. Он не признает свободы женщины. Прощай, отец. Может быть, увидимся в новых и нормальных соотношениях, как человек к человеку. Я сказал все, что накипело в моей душе. Петр Прибышев».

Иван Михайлович. Боже мой! Боже мой! Что это такое!

Николаев. Жалко, жалко мне тебя, брат Иван, а делать нечего, сам виноват. Вот-те и новое! Какое новое! – все старое, самое старое; с сотворения мира гордость, гордость и гордость! Молодые хотят

старых учить.

Гости. Это так.

2-й гость. До чего, однако, доходят!

1-й гость. Глупо и смешно.

Иван Михайлович. Ну, Марья Васильевна, глупа ты, а я глупее тебя в тысячу раз. Эй! готово, что ль?

Лакей. Подают-с.

Иван Михайлович. Вели Дуняше собраться ехать со мной. Да постой, где она, дарственная запись? Ну-с, господа, простите, я еду! (*Прощается с гостями.*)

Посредник. Так как же, Иван Михайлович, насчет нашего дела?

Иван Михайлович. А вот как-с. Пока мне не велят с ножом к горлу, ни одного клочка не отдам даром, ни одной копейки, ни одного дня, ни одного штрафа но прощу. Будет удивлять-то-с! Нет-с, уж я нынче выучен.

Лакей. Готово-с.

Иван Михайлович. Ну, шинель, собачий сын! Что ты думаешь? По-старому? Правда твоя, Марья Васильевна, все хуже стало. И уставные грамоты хуже, и школы, и студенты... все это яд, все это погибель. Прощайте. Только бы догнать их, хоть на дороге. Уж отведу душу! Петрушку розгами высеку! Да.

Марья Васильевна. Иван Михайлович, пожалей ты меня, не кричи очень на Алексея Павловича. Право, такой худой, жалкий! Что ж, он по молодости...

Николаев. Сына-то воротись, а дочь не развенчаешь!

Иван Михайлович. Не говори лучше. (*Подходит к столу и выпивает стакан вина.*) Да, да – высеку, розгами высеку. Прощайте. Смейтесь, кричите, злитесь, а высеку, высеку! И сам спасибо скажет, да!

Занавес

Действие пятое

Действующие лица

Прибышев.

Венеровский.

Любовь Ивановна.

Катерина Матвеевна.

Петр Иванович.

Твердынский, студент.

Смотритель.

Староста.

Дуняша, горничная.

Театр представляет комнату для проезжающих на почтовой станции.

Явление первое

Входят смотритель и староста.

Смотритель. Ну, гон! С Макарья такого не было. Чей ряд?

Староста. Акимкин; еще не оборачивался. Должно быть, задержали на Лапшеве. Спасибо, еще курьер не бежит.

Смотритель. Вот в седьмом часу опять почта, – что станешь делать? Надоест проезжающий теперь.

Староста. Вот так-то бывало в старину, при Тихон Мосеиче: как нет лошадей, он в сенник и спрячется. Я тоже старостой ходил. Ехали с Капказа так-то, ехали двое пьяных, так что наделали! Вся станция разбежалась, всех перебили. Тихона Мосеича нашего за ноги выволокли. «Я чиновник, – не смеете!» Как принялись холить! Верите ли, по двору волокут. То-то смеху было!

Смотритель. Да наскочил бы на меня такой-то. Я бы ему задал.

Староста. Нет, нынче много помирнел проезжающий. А то к чему, ваше благородие, я хотел спросить, нынче все «вы» проезжающие стали нам, мужикам, говорить.

Смотритель. Образование, значит, прогресс. Да ты что, дурак?

Староста. Только мы с ребятами примечали, как ежели кто «вы» называет – уж на водку не жди. А что больше галдит, да на руку дерзок, уж этот даст. Так и жди, либо четвертак, либо трехгривенный.

Смотритель (*смеется*). Тоже замечают!.. Будет лясы-то точить. Вишь, свинство наделали.

Подмести вели, да хоть бы со стола-то стер. Ведь вот нет того проезжающего, чтоб не скучал. Нечисто все им. А ведь кто ж гадит? все они. Так и норовят все загадить и уехать. И все ему нечисто.

Староста убирает. Пойти соснуть. Никак, опять! Ну, посидят, уж не прогневайся.

Староста. Пуцай двойные дадут, наши сvezут.

Слышен колокольчик.

Явление второе

Те же, входят Венеровский и Любочка, очень бледная, тихая и грустная.

Венеровский. Господин смотритель, я требую лошадей. Староста, велите скорее закладывать. (*К Любочке.*) Ну-с, вот мы и одни. Великолепно! Теперь только чувствую себя человеком, вырвавшись из всей этой безобразной чепухи! Вы рады, моя миленькая?

Любочка. Не говорите этих слов при чужих людях.

Смотритель. Лошади в разгоне.

Венеровский. Я вам говорю: вот подорожная, вот деньги, запрягайте лошадей.

Смотритель. Когда выкормятся, запрягут.

Венеровский. Извольте запрягать или подайте мне книгу, я буду жаловаться.

Смотритель. Книга вот, жалуйтесь. Много вас!

Венеровский. А, хорошо, очень хорошо! Нет, еще долго честность будет достоянием одних нас... Эти дрянные людишки! (*Садится за стол, разбирает книгу и пишет.*)

Смотритель (*подходя, сердито*). Вы прежде извольте просмотреть книгу. Вот изволите видеть, – почта восемь лошадей в пять часов двадцать три минуты, теперь-с всего девять, не воротились. Полковник с женой – шесть лошадей в шесть часов семнадцать минут. Извольте смотреть: комплект – тридцать шесть лошадей. Так вот-с, милостивый государь, прежде посмотреть надо-с и потом дрянными людьми называть тех, кто, может, получше вас, – так-то-с.

Венеровский. Оставьте меня. Я не намерен с вами препираться.

Смотритель (*отходя*). А вы будьте осторожны вперед! и генерал, шестерней в карете пускай едет – и тому не позволяем... а не то что всякой сволочи... (*Уходит.*)

Явление третье

Те же, без смотрителя.

Венеровский. Староста, принесите, пожалуйста, самовар. (*К Любочке.*) Вы будете пить чай, миленькая? И чаю и сахару!

Староста. Самовар двадцать копеек, а за чай, за сахар с хозяйкой сочтется.

Венеровский. Подайте все. Вы будете?

Любочка. Да... нет...

Венеровский. Вы бы сняли мантилью.

Любочка. Ничего не надо.

Венеровский (*садится к ней*). Вот видишь ли, мой друг, какая разительная черта отделяет нас от прежних твоих родных. Мы будем смотреть на жизнь просто. Этот господин, в силу своих убеждений, своей среды, считает нужным притеснять людей и грубить. Это в порядке вещей, так же, как твои родные считают неизбежным проседуру тех глупостей, от которых мы уехали. Что ж, не переделывать же нам их? А нам, как умным людям, следует сказать: вы, господа, гадки и дрянны, но это при вас; оставьте только нас быть честными, человеческими! Когда ты усвоишь себе это воззрение, моя миленькая...

Любочка. Не говорите: миленькая, – так не хорошо.

Венеровский. Ну, все равно. Вы заметьте только, как во всех этих столкновениях люди дрянные бывают унижены. Я не ненавижу их, я презираю их, им следует быть униженными, и они это сами знают, как поразмыслят. Поверьте, ваши родные теперь чувствуют, что они глупы. Это-то и нужно.

Любочка. Что тебе сделали мои родные? Положим, они неразвитые, да все-таки они ничего. Бывают хуже.

Венеровский. Вы очень умны, миленькая. Это так. Бывают хуже, но раз мы сознали, что убеждения наши различны, что почва, на которой стою я и они, не одна и та же, надо стать одним одесную, а другим ошую. Ведь все очень просто. Я не уважаю людей глупых и без образования, кроме того нечестных, апатичных и врагов всего нового. А ваши родные таковы, – стало быть, ни вы, ни я не можем их уважать. Ведь вы согласны с этим? Другой бы стал политизировать, скрывать свои убеждения, но я полагаю, что честность и истина всегда выгодны.

Любочка. Отчего ж? Отец не враг всего нового, напротив...

Венеровский. Ну, разве вы не видите, что он только боялся меня и ипокритствовал. Ну-с, и глупую женщину, которая, кроме еды и спанья, ничего не понимает, нельзя уважать!

Любочка. Я все-таки любила их...

Венеровский. Любите вы честное, свободное и разумное! Любите те личности, которые соединяют в себе эти качества, и вы будете гуманны; а любить женщину за то, что она произвела вас на свет, не имеет никакого смысла. Да, великолепнейший друг! Ежели вы и меня любите, то не за то, что я хорош или умен, а только за то, что во мне соединяются те качества, про которые я говорил. Да-с, это так.

Приносят самовар. Будете разливать?

Любочка. Нет, я не хочу, – все это грязно и гадко... посмотрите, какие чашки, – я не хочу.

Венеровский. Да-с, Любовь Ивановна, моя женка миленькая. Другим знание всего того, что я вам сообщил, дается трудом и борьбой и глубоким изучением, и то редкие, сильные характеры усваивают себе это учение так полно и ясно, как я его понимаю, а вам, моя миленькая счастливица, все это дается легко. Только слушать, воспринимать, и вы сразу станете на ту высоту, на которой должен стоять человек нового времени. Да бросимте словопрения! Мы теперь одни несвободны. *(Садится ближе.)* Что ж вы не пьете, моя касатынька?

Любочка *(морщится)*. Какие чашки! Гадость! Тут все пили, – больные, может быть. Я не хочу.

Венеровский. Могу я тебя поцеловать, миленькая? Мне хочется.

Любочка. Нет... Оставьте...

Венеровский. Вы не оживленны нынче. Неужели вам не приятно, милая, что мы едем?

Любочка. Мне все равно, я только устала... Отчего вы Дуняшу не взяли?

Венеровский. Вот опять! Я не считаю себя вправе тревожить вас вопросами. Вы свободны так же, как и я, и впредь и всегда будет [так]... Другой бы мужчина считал бы, что имеет права на вас, а я признаю полную вашу свободу. Да, милая, жизнь ваша устроится так, что вы скажете себе скоро: да, я вышла из тюрьмы на свет божий.

Любочка. Зачем вы не взяли Дуняшу?

Венеровский. То было бы барство, дрянность, она бы стеснила нас. *(Придвигается ближе.)* Теперь можно поцеловать вас?

Любочка. Оставьте! Да вы вымойте чашки, грязь какая!

Венеровский *(улыбаясь)*. Это ничего. *(Заливает чай и пьет.)* Что же, можно поцеловать? Вы скажите, когда можно будет. Не хотите ли отдохнуть? Я уйду. Я никогда не стесню вашей свободы.

Любочка. Нет... да... нет... Мне ничего не надо. Мне скучно.

Венеровский. Вы думаете, может быть, что я не предвидел этой случайности. Напротив. Не на то мы люди передовые, чтоб нам только фразы говорить. Есть и такие. Нет-с, мы люди дела. Мы не увлекаемся. Я знал, что вам будет скучно. Хотите, я вам скажу отчего. Вы не удивляйтесь, что я угадал, тут ничего нет удивительного. Вы выросли в обстановке дрянной. В вас хорошая натура, но в жизни вашей вы усвоили многое из той апатичной и затхлой атмосферы. Оно незаметно впиталось в вас. Вы не замечали этого прежде, как незаметна грязь в навозном хлеве, но при прикосновении с чистотой и силой грязь вам самим стала заметна, и свет вам глаза режет. Вы, глядя на меня, чувствуете свои пятна... *(Ходит в волнении взад и вперед.)*

Любочка *(тихо)*. Ах, только о себе!..

Венеровский. Что?

Любочка. Ничего... Говорите.

Венеровский. Вы этим не пугайтесь, моя миленькая: это преходящее ощущение. Выходящие из мрака думают в первые минуты, что свет неприятен, он режет. Но это ощущение, присущее всякой резкой перемене. Вы не пугайтесь, а, напротив, с корнем вырвите эту слабость. Отчего вам скучно? Вам и в тарантасе кажется непокойно, и девушки у вас нет, и чашки вот, вам кажутся нечисты... Это все апатия помещичья. А подумайте о том, что перед вами вся жизнь свободы, перед вами человек, который для вас, для ваших великолепных глазок, сделал все уступки пошлости, какие мог, которые...

Любочка. Вы все только себя хвалите...

Венеровский. Я хвалю то, что заслуживает похвалы, порицаю то, что заслуживает порицания, а во мне или в вас хорошее или дурное, это мне все равно. Так называемая скромность есть одно из тех суеверий, которые держатся невежеством и глупостью; вот ваша родительница говорит про себя: я глупа. Ну, ей это хорошо, хе, хе!

Любочка. Оставьте меня, мне скучно.

Венеровский. Ну, я помолчу, почитаю. У вас пройдет. Может быть, это желчный пузырек не выпустил свою жидкость. Это пройдет, на это есть физические средства. Вот я никогда не буду сердиться на вас. Что бы вы ни совершили, я только буду искать, – найду причину и постараюсь устранить ее. Я помолчу, а вы выпейте водицы. *(Ложится на диван, берет книгу из сумки и читает.)*

Любочка *(встает и подходит к двери, спрашивает в дверь)*. Есть у вас кто-нибудь женщина? можно войти?

Голос из-за двери: «Милости просим». Любочка уходит. Слышен колокольчик, голоса.

Явление четвертое

Венеровский, Катерина Матвеевна, Твердынский, Петруша, потом смотритель, староста.

Голос старосты (за сценой): «Нет лошадей, сказывают».

Катерина Матвеевна за сценой: «Позвольте, позвольте, вы говорите, что нет лошадей.

Так почему же это называется: почтовая станция? Ведь станция для лошадей, так или нет?»

Все входят, Петруша икает.

Староста. Сказывают, все в разгоне, вот уж сидят двое, дожидаются.

Венеровский, заметив пришедших, уходит незамеченный.

Катерина Матвеевна. Позвольте, вы не отвечаете на мой вопрос? В силу чего вы отказываете людям, которые имеют одинаковые права с каждым генералом?

Петруша. Иг!.. Поймите... иг!.. что мы в Петербург едем... иг!.. Ведь мы не дальние... иг!.. Прибышевка наша... иг!.. Вы дайте лошадей, а то... иг!.. очень скверно с вашей стороны... иг!..

Староста. Вот я смотрителя пошлю. *(Хочет уйти.)*

Твердынский *(удерживая его).* Почтенный поселянин! как я могу заключить из ваших речей, вы желаете произвести коммерческую операцию, но мы не желаем поспешествовать оной.

Староста. Будет баловаться-то, барин, ну вас к богу...

Входит смотритель.

Катерина Матвеевна. Позвольте попросить лошадей для нас. Мы имеем полное право и одинаковое с каждой чиновной особой. Вот мой вид, – как это называется... Уж нынче прошло то время, когда уважаем только генералов, а презираем ученое сословие, студентов.

Смотритель. Третий час, нет ни одной лошади, – извольте книгу посмотреть, а для нас все равны. И я нынешний век так же понимаю, как и всякий.

Петруша *(к Катерине Матвеевне).* Нет, позвольте мне... иг!.. я убежу... я умею... *(К смотрителю.)* Вы посудите... иг!.. когда ж мы в Петербург приедем?... иг!.. коли на каждой станции... иг!.. Ведь нам очень нужно... иг!.. очень, вы дайте... вы сочтите, сколько станет!

Твердынский *(старосте).* Автомедону, иначе извозчику, велите принести чемоданчик и белый хлеб. Вы сочтите, сколько... бутылочка там есть... а лошадей позвольте.

Катерина Матвеевна. Позвольте, я вам докажу. В нынешнем веке, кажется, можно бы понимать, что женщина имеет те же права.

Смотритель. Да вот не угодно ли вам книгу?

Петруша *(Катерине Матвеевне).* Не мешай... иг!.. Я ему докажу... иг!.. Ведь мы в ко... иг!.. муну...

Смотритель. Да куда угодно, для меня это совершенно все равно...

Твердынский *(берет книгу).* В сей книжице изображено, якобы поручик Степанов был огорчен задержкою, так как он поспешал по делу.

Катерина Матвеевна. Я буду жаловаться.

Смотритель. Да извольте, сударыня. Нет лошадей, вот и все.

Катерина Матвеевна. Какое еще, однако, непонимание обязанностей и негуманность.

Твердынский. Позвольте, я изображу в сей книжице всю горечь нашего душевного состояния и изложу человекоубийственность нравов смотрителей почтовых станций.

Петруша. Нет, дайте я... и у меня мысль пришла... иг!..

Смотритель *(отнимает книгу).* Что вы, господа, в самом деле, пересмеиваете-то! Не хуже вас. Писать, так пишите, только надо в своем виде быть.

Твердынский. Итак, Катерина Матвеевна, презренная преграда затормозила наше течение к светилу прогресса. Гражданин сей в гневе, оставим его.

Петруша. Иг... иг... иг!..

Твердынский над ним смеется.

Твердынский. Я говорил, что вы много отвели целительной венгерской влаги.

Петруша. Что-с?... иг!.. нет ничего смешного... иг!.. Напротив... Я вам не позволю смеяться... иг!..

Твердынский. Что за мальчишество обижаться всем.

Петруша. Вы сами мальчишка... иг!.. Я свободный... иг!.. человек, иг!.. Я сам сказал... Я... иг!.. еду в коммуны...

Твердынский. Спице, Прибышев-младший, это будет лучше.

Петруша. Я выразил убеждение, что вы мальчишка... иг!.. а не я. Вы не признаете... иг!.. свободы личности, иг!.. вот вам... Я глупо сделал только, что выпил это вино... иг!.. и от него мне дурно... иг!.. а то бы я вам высказал... иг!.. иг!.. такие убеждения, что вы бы удивились очень... иг!.. Я спать хочу.

(Садится и засыпает.) (Сквозь сон.) Преграда... иг!.. инди... ви... ду... иг!.. иг!..

Твердынский. Ну что ж, подождем. Можно и чаепитие совершить. А то скучно. Вон кто-то пил. Поселянин, староста, господин староста, нельзя ли получить инструмент, в просторечии самоваром называемый?

Катерина Матвеевна (садится к столу, закуривает папироску и откидывает волоса). Я люблю в вас, Твердынский, это игривое отношение к жизни. Как ни значительны совершающиеся в вашей судьбе события, вы, в тайнике души, скрываете всю глубину вашего сознания и наружно все шутите. Многие могут считать вас легкомысленным, а я это-то и люблю. Я уважаю вас за это. Да, вот мы и ступили первый шаг в новой жизни.

Твердынский. Да, ступили. Что ж все риторствовать! Знаешь, что дело хорошее, что свободен и разумен, чего же еще? Я не люблю готовиться. Наступит дело – я труженик и боец, а до того времени... можно и услаждаться легким смехотворством.

Катерина Матвеевна. Скажите мне одно: я всю дорогу думала. Почему учредителем коммуны мужчина, а не женщина? Не просвечивает ли и здесь идея зависимости женщины?

Твердынский. Нет, это случайность.

Приносят самовар. Что ж, чаеизготовление кто будет производить?

Катерина Матвеевна. Позвольте, я полагаю, что столько же основания есть мне разливать, сколько и вам. Вот что: мы можем кинуть жребий.

Твердынский. Итак, поверим разрешение сего вопроса слепорожденной фортуне. (Берет папироску и прячет за спиной.)

Катерина Матвеевна берет ложечку и делает то же.

Катерина Матвеевна. Нет, вы угадывайте.

Твердынский (хватает ее за руку, оглядывается быстро и перебирает ее за руку). Однако у вас в ручке, так сказать, пухлость не вредная. В этой.

Катерина Матвеевна (улыбаясь). Твердынский, не будьте глупы. Вы угадали. Я буду разливать.

Твердынский. Как дорога, однако, сблизает. Такое ощущение странное в близости женщины. (Садится ближе) И как отлично, что вы не носите кринолин. И как у вас тут складочка, совсем античная. (Указывает на спину.)

Катерина Матвеевна. Твердынский, вы знаете стихи Гюго? Гюго отсталый человек, но он поэтическим чутьем проникал многое из будущего. N'insultez pas...¹¹

Твердынский. Такая складочка, что первый сорт. Позвольте мне ее пригладить, не то что погладить, а только пригладить. (Дотрагивается до нее.)

Катерина Матвеевна (улыбается и бьет его по руке). Твердынский, когда я ближе узнаю вас, я расскажу вам свою судьбу. Судьба женщины – это странная аномальность в нашем неразвитом обществе. (Сторонится.) Твердынский, ежели бы я меньше уважала вас, я бы могла усомниться в искренности ваших убеждений. Что делает ваша рука?

Твердынский. Ведь вот какие странные бывают казусы. Жили мы с вами, жили три месяца, и все говорили только о предметах, вызывающих на размышления, а теперь мгновенно мое воззрение на вас совсем изменилось. Отчего ж вы не хотите, чтоб я положил так руку? (Кладет руку на спинку кресла, на котором сидит Катерина Матвеевна.) Я ни до чего не коснусь без разрешения. Ни до чего.

Катерина Матвеевна (сияющая). Вглядитесь в глубину своего сознания, и тогда я честно выслушаю ваше признание. Я не хочу увлечений, мы должны стоять выше их. Вы не трогайте меня.

Твердынский. Я не касаюсь ведь, ни до чего не касаюсь. А у вас есть во взгляде что-то пожирающее, выше женского. У одного моего товарища была друг-женщина, она была гувернантка. Вавочка, мы все так ее звали. Вы схожи с ней, очень схожи. Но славная какая складочка... (Схватывает ее и прижимает к себе.)

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, подумайте хорошенько и внимательно, вникните в себя! Тот путь, на который... Скажите, какую любовью вы любите меня? (Вырывается от него и встает.)

Твердынский (идет за ней). Вы фимиам сердца моего, вы кальян надежды небес, вы пар от подошв кумиров моих, вся нежность и свет фирмента мироздания. Я люблю вас и желаю учинить с вами экспликацию.

Катерина Матвеевна. Не говорите глупостей, вы оскорбляете меня не как женщину, а как честного человека. Я не различаю. Вы говорите, что чувствуете влечение ко мне, я считаю вас хорошим господином; исследуйте характер вашего влечения и скажите мне. Старайтесь объективно смотреть на вещи. Конкрет может слушать вас. Я все сказала.

Твердынский (подходя ближе и хватая за руку). Божественная, но свободная женщина! Судьба

¹¹ Не оскорбляйте... (франц.).

покровительствует нам. Сей юный питомец Минервы (*указывая на спящего Петю*) опочил в объятиях Морфея, мы одни, и я снедаем любовью. (*Хватает ее и хочет поцеловать.*) Будущее в руках судьбы, настоящее наше. (*Обнимает ее.*) Да полно же, милейшая.

Катерина Матвеевна (*испуганно отбивается*). Вы оскорбляете меня, я ошиблась и в вас. Я закричу, пустите!

Петруша (*сквозь сон*). Семья... иг!.. преграда... ин... ди... виду... иг!.. альности.

Твердынский (*оставляет ее, сердито*). Вот уж недостойно истинно свободной женщины – так грязно понимать все...

Катерина Матвеевна. Боже мой, до чего я дошла!.. Боже мой!.. Но я выше... Нет... Я ниже всего на свете. Я жалкое создание, вы мне гадки, а сама я еще гаже! (*Катерина Матвеевна, убитая, садится поодаль и глубоко задумывается.*)

Явление пятое

Те же, Венеровский и Любочка.

Любочка (*выходит вся в слезах*). Какая же это свобода женщины, коли вы меня мучаете!.. Мне скучно, правду мамаша гово... Катенька! Алексей Павлович! Батюшки мои, и Петруша! Что это случилось?

Твердынский. Вот сурпризец не вредный, Любовь Ивановна! Я вот... еду тоже в Петербург.

Катерина Матвеевна. Любовь! Ты была права! Но оставьте меня... мне многое надо обдумать. (*Садится к столу, облакачивается и думает.*)

Петруша (*вдруг просыпается и встает*). Постойте, я все лучше расскажу. Ты сама должна знать, что семья... иг!.. развитию индивиду... иг!.. альности. Я и поехал один, а Алексей Павлович открыл, что тоже есть коммуна... а коммуна... удивительное убежд... учреждение, ну, все равно... Мне очень спать хочется, вы меня разбудите... (*Садится.*)

Любочка. Что с ним?

Венеровский. Ничего особенного. Все это понятно. Мальчишка напился пьян, и выходит мерзость неестественная.

Петруша (*привстает*). Сами вы мерзость неестественная. Это уж все знают, что вы ретроград, мне Алексей Павлович и Катенька дорогой сказали, что вы из-за денег женились. Это очень подло по нашим воззрен... (*Засыпает.*)

Твердынский. Точно, что мальчишка-с. Поверьте, Анатолий Дмитриевич, что я этого не говорил и не думаю, потому что ваши убеждения...

Венеровский. Да-с, сделать гадость, да и на попятный! Это на вас похоже-с. А вот с вами-с, сударыня, позвольте дотолковаться до дела. (*К Катерине Матвеевне.*) Когда я объяснялся с вами-с, хе, хе! у себя на квартире-с, я вас попросил молчать о моей особе. Вы должны были мне обещать это, однако вам, как видно, не угодно держать слова. Теперь-с я заставлю вас, хе, хе! да-с. Мы, действительно умные люди и люди дела, тем-то и отличаемся от болтушек, как... многие ваши знакомые... тем отличаемся-с, что не позволяем себя забирать в руки, а сами забираем в руки, как я вас забрал-с, хе, хе! да-с. (*Тихо ей.*) Вы хвастаетесь свободой от предрассудков, а кое-что вам не хотелось бы опубликовать. Так знайте же...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте...

Венеровский. Извольте-с...

Катерина Матвеевна. Нет, ничего. Вы правы, только оставьте меня додуматься. (*Садится в прежнюю позу.*) Пожалуйста, оставьте меня! Я после скажу.

Венеровский (*к Любочке*). Теперь с этой госпожой покончено. Перестаньте и вы, миленькая. Я снисходителен всегда к людям с слабыми силами и умственными способностями, и это очень естественно, потому что я насквозь вижу все их *стремленьица*. Но когда идут мне наперекор, то я имею привычку сломать то, что мне мешает. Вам хочется показать, что вы имеете волю. Это похвально и человечно, но надо, чтобы цель была разумна.

Любочка (*горячо*). Вы всегда думаете, что вы только разумны. Катенька, ты меня не любишь, но скажи, пожалуйста, по правде, заступись за меня. Мне так скучно, так скучно! И зачем я от них уехала? Хоть бы Дуняша была со мной! Катенька, что с тобой?

Катерина Матвеевна. Любовь, не мешай мне додуматься. Во мне совершается великий переворот. Я чувствую это.

Любочка. Алексей Павлович, скажите хоть вы, стали бы вы мучать женщину, которую вы любите? Он бранит моих родных, он не любит меня.

Твердынский. Я, Любовь Ивановна, так сказать, в любви неофит и даже атеист оной.

Любочка. Вы все шутите, а мне, право, не до шуток. Боже мой, зачем я уехала!

Венеровский. Какая фразистость у вас неприятная! Но довольно-с! Я последний раз говорю:

попробуйте дать себе отчет в ваших желаниях и выразить их. Это очень просто. Я выражаюсь ясно и разумно, попытайтесь и вы сделать то же.

Любочка. Катенька всегда так говорит. Разве можно сказать все, что чувствуешь? Как мне сказать все... Вы только о себе говорите. Вы меня не любите. Вы не подумали обо мне ни одной минуточки... Зачем вы еще пристаёте ко мне? Мне скучно! Вы только себя хвалите. Папаша бы меня понял.

Венеровский. Я вам сказал, что я выше этих фраз, и вам не заставить меня вступить на ту арену пошлых препирательств, на которую вы меня вызываете. Староста!

Явление шестое

Входит староста.

Венеровский (*старосте*). Велите закладывать вольных, я заплачу двойные прогоны.

Катерина Матвеевна (*встает и встряхивает волосами*). Позвольте. Я додумалась. Теперь я все скажу вам... Наши отношения...

За сценой слышен шум, крик.

Голос Ивана Михайловича: «Четверню в коляску!»

Голос зрителя: «Нету-с...»

Голос Ивана Михайловича: «Зуба ни одного не оставлю! Разбойник! Нет, брат, уж я не тот. В острог посадят, а зубы все выколочу! Слышишь?» (*Входит.*)

Явление седьмое

Те же и Иван Михайлович.

Иван Михайлович. А... а... а! Любезные! Вот они, молодчики! Всех разом накрыл!..

Твердынский. Могу сказать, скандален, предвидится не зловерный!

Венеровский (*садится на стул против Ивана Михайловича и дерзко смотрит ему в глаза*). Вот господин, которого надо будет еще пощелкать по носу.

Катерина Матвеевна (*останавливается в своей, позе*). Иван Михайлович! Я рада вас видеть.

Любочка (*приближается к отцу*). Папа милый...

Петруша (*поднимается с места и смотрит бессмысленно на отца*). Теперь уж... иг!.. все очень сознали... иг!..

Иван Михайлович (*отводя Любочку рукой*). Ну-с (*обращаясь к Твердынскому*), государь мой, пожалуйте-ка вы сюда!

Твердынский. Неужели вы думаете, что за ваши двадцать рублей в месяц я обязан похоронить себя?.. Кажется, вы сами можете сознавать...

Иван Михайлович. Нет, дружок... Эта песня уж кончилась. Взялись вы учить моего сына?

Твердынский. Вы не думаете ли напугать меня?.. только (*робея*) кулачное право... не современно.

Иван Михайлович. «Современно!» Это слышали. А кто возьмется за дело да без причины не исполнит его, да еще притом мальчишку собьет с толку и увезет из родительского дома, как того человека звать, государь мой? Не знаете? Обманщик...

Твердынский. Вы дерзки, и я никому не позволю...

Иван Михайлович. Что-о? (*Наступает.*) Коли бы вы были постарше, а то вы мне жалки, государь мой...

Твердынский. Конечно, это все, что можно ожидать от невежд и зуботыковых. (*Отступает.*)

Иван Михайлович (*наступает еще решительнее.*) Вон!

Твердынский (*торопливо захватывая узелок, уходит и кричит в дверях*). Презренный ретроград!

Явление восьмое

Те же, без Твердынского.

Иван Михайлович (*не обращая внимания на Твердынского*). Ну-с, теперь, соколик! (*Подходя к Петруше.*) Сашка!

Входит лакей. Розги взял?

Лакей. В козлах-с.

Петруша. Индивидуальность... ин... ди...

Иван Михайлович (*лакею*). Поди сюда. Возьми ты этого молодца, вылей ему на голову ведро воды, слышишь? И посади в коляску...

Петруша. Деспотизм... иг!.. родительской власти... индиви...

Иван Михайлович (*перевортыкает Петрушу и дает подзатыльник*). Ну, разговаривать! Марш! Сашка! Сведи ты его к колодцу, облей водой и держи его в коляске.

Петруша. Это... зачем же? Я сам...

Иван Михайлович. Ну!..

Лакей. Что ж, пожалуйста, Петр Ивановч...

Лакей и Петруша уходят.

Явление девятое

Те же, без Петруши.

Иван Михайлович (*к Катерине Матвеевне*). Ну, стриженная иманципация, позвольте вас спросить: что у вашего дяди, распутный дом, что ли? А?

Катерина Матвеевна. Иван Михайлыч! Я разделяю ваши убеждения...

Иван Михайлович. Нет, матушка, слова-то эти оставь! Был дурак, да больше не буду. Что, я из своей прихоти твоей Лопуховкой управлял? Что, я обокрал тебя, что ли? Что, мне платили за твое содержание? Ты с своей деревни сто рублей в год получала, а ты мне... да что, и говорить скверно!

Катерина Матвеевна. Вы совершенно правы. Иван Михайлович, поступок мой неконсеквентен.

Иван Михайлович. Что мы с Марьей Васильевной видели от тебя, кроме презрения? И увенчано все – чем? Побегом и этим письмом. (*Вынимает письмо.*) Я вам не родня, не дядя. Извольте ехать, куда вам угодно, с этим шелкопером.

Катерина Матвеевна. Да, голубчик, да, вы высказываете истину. Да, голубчик, я сознаю свое заблуждение. Я прошу забвения. Я несчастная женщина, голубчик.

Иван Михайлович. Довольно меня обманывала, матушка... (*Глядит на Венеровского.*) Довольно!..

Венеровский. Что вы на меня смотрите? Я вам не скрою, Иван Михайлович, что вы мне прискучили своим криком. Поезжайте домой, – право, покойнее будет. Детей больше здесь нет и пугать некого.

Иван Михайлович. Поеду, государь мой, когда выскажу все.

Венеровский. А что вам это сказать нужно, нельзя ли узнать? Я послушаю, хотя знаю все, что вы скажете, и знаю, что ничего ни нового, ни остроумного...

Иван Михайлович. Многое мне вам сказать нужно, да не стану говорить при вашей жене, сударь, и при моей дочери. Вы считаете честным восстановить дочь против отца, а я старого века, да знаю, что коли жена отца не уважает, так ей грош цена, а коли мужа не уважает – еще того хуже.

Венеровский (*к Катерине Матвеевне*). Этот господин, кажется, хочет учить меня честности; это довольно комично.

Катерина Матвеевна. Он прав, он совершенно прав, не говорите со мной... (*Отворачивается.*)

Венеровский (*пожимает плечами*). Староста, велите давать лошадей. А вы, Иван Михайлович, для меня забавны, только забавны.

Иван Михайлович (*кричит*). Я вам сказал довольно, оставим это. Поезжайте с богом. Я тебе привез Дуняшу, Люба, возьми ее. Грустно нам было, очень грустно... ну, да бог с тобой. У тебя будут дети, тогда ты поймешь. (*Обнимает ее, она плачет.*)

Венеровский. Комедия разыгрывается недурно, но и наскучить может. Поедемте, Любенька! Пойдемте, посидим в той комнате.

Любочка. Я не хочу, папа! Побудь со мной. (*К Венеровскому.*) Оставьте меня.

Венеровский (*берет Любу за руку*). Люба, пойдемте, родитель может один поломаться и с Катериной Матвеевной.

Любочка. Папаша, что я сделала! Я боюсь его, я ненавижу его. (*Люба прячет лицо на грудь отцу.*)

Иван Михайлович. Ты с ума сошла! Что ты говоришь, Люба! Это нельзя!

Катерина Матвеевна (*выступает вперед торжественно, откидывает волосы*). Теперь я все скажу, что я думаю. Слушайте меня, Иван Михайлович, слушайте меня, Венеровский. Любовь должна оставить этого человека. Этот человек – дрянный и низкий индивидуум.

Венеровский (*старается перекричать ее*). Вы глупая, неразвитая и развратная женщина! Молчите, или я...

Катерина Матвеевна. Нет, Венеровский, вы меня не испугаете! Я свободная натура. Вы меня не перекричите, я сама все намерена высказать. Венеровский, вы подлец, и это говорит вам не женщина, а свободный человек... Он погубит Любу, ежели она останется с ним, так же как он погубил меня и оттолкнул. Полчаса тому назад я считала себя выше всех в мире, а теперь я несчастное, жалкое и презренное существо.

Венеровский. Вы глупы и больше ничего. И ваш поступок нисколько не удивляет меня; это прямо вытекает из вашей глупости. Любовь Ивановна, я предлагаю вам ехать со мной.

Любочка. Я ни за что не поеду. Я умру лучше!

Иван Михайлович. Бедная моя девочка. Что я с тобой наделал! Поедемте. Прощайте, сударь.

Теперь я могу все сказать вам. Вы хотели жениться на состоянии. Любочку вы не любили и не уважали. Вам нужно было одно – деньги; вы их и взяли. И за то, что вам все дали и дали притом существо, которого вы ногтя не стоите, вы сделали ее несчастье и наплевали в лицо людям, которые ничего, кроме добра, вам не желали. Ничтожество и гордость! Я во всем виноват.

Венеровский *(стараясь перекричать, хватая за руку Любу)*. Мне жалко было Любу, которая погибала в вашем гнусном семействе, я спас ее от вашего разврата. Люба, поедем! Я никому не дам смеяться над собой. Я посмеюсь над вами. Поедьте! *(Дергает за руку.)*

Любочка. Вы мне больно делаете, я не поеду, я не хочу быть вашей женой, я ненавижу вас...

Катерина Матвеевна. И это адепт нового ученья! Нашего!

Иван Михайлович *(наступает)*. Оставить ее! Ну, я говорю. *(Становится перед Любочкой, Венеровский хочет двинуться вперед.)* Еще шаг – вдребезги расшибу!

Венеровский. Хе, хе! *(Отступая и копотливо доставая револьвер из кармана.)* Вы думали, что я не предвидел этого? Я предвидел все, имея дело с такими людьми, как вы. Предвидел и оскорбления и драки. Только мы – люди дела и не дадим над собой смеяться, – хе, хе! Попробуйте оскорбить меня! *(Уставляет пистолет.)*

Иван Михайлович *(останавливается перед ним и качает головой)*. Дурак! В кого стрелять! Ну, стреляйте! Пойдем, Люба! *(Уходят.)*

Явление десятое

Венеровский *(один)*. Что, посмеялись надо мной?.. хе, хе! Нет, мы не Твердынский, чтоб гонять их вон. Правду говорил Беклешов, что для дела с этими людьми надо отречься от всех принципов. Я слишком был честен с ними. Но, впрочем, женщина свободна, и я не признаю никаких прав на нее. Да, вот еще дарственная запись на ее именье.

Входит лакей за шалью. Подите сюда, отнесите эту бумагу вашему барину. Им непонятно, что я возвратил эту бумагу, хе-хе! Да, еще слишком дики и грубы отношения в этой закоснелой среде! Или [мы] слишком далеко ушли, родились лет сто слишком рано для того, чтобы возможны были между нами какие-нибудь компромиссы.